

ЭДУАРД ХРУЦКИЙ
•
СТРАХ

ЦЕНТРОЛИГРАФ

Эдуард Анатольевич Хруцкий

Страх (сборник)

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9806963

Э. А. Хруцкий. *Страх (сборник)*: Центрполиграф; Москва; 2014
ISBN 978-5-227-05114-1

Аннотация

Эпопея известного мастера детективного жанра Э. Хруцкого, рассказывающая о работе Отдела по борьбе с бандитизмом Московского уголовного розыска в годы Великой Отечественной войны, – это художественная история МУРа, поданная через призму жизни следователя с ее успехами и неудачами, гибелью товарищей и победами над ложью и несправедливостью. Иван Данилов не только опытный сыщик, знаток преступного мира, но и честный, несгибаемый человек, сделавший своей профессией карьеру с преступностью.

Содержание

Страх	5
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Эдуард Хруцкий

Страх (сборник)

© Хруцкий Э. А., наследники, 2014

© ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2014

Страх Повесть

МОСКВА, 1944 ГОД

Саксофонист Гриша Кац

Комендантский час перенесен, поэтому ресторан закрывался в одиннадцать тридцать. Ровно в двадцать три оркестр играл «Пора, пора! Уж утро настает...» и уходил с эстрады. Но Гриша точно знал, что к ним подбежит Борек, человек не определенного возраста, в очередном шикарном костюме, будет совать деньги и просить сыграть «Осень, прохладное утро...».

Гриша как руководитель оркестра никогда не отказывал, тем более что Борек считался солидным гостем, приходил в ресторан раза четыре в неделю и всегда платил.

То же произошло и в тот вечер, только Борек заказал почему-то «Рио-Риту».

Он сунул Грише кучу скомканных бумажек, и оркестр лихо сбацал довоенный фокс-трот.

Ну все. Музыканты собирали инструменты, уходили в подсобку, где в маленькой комнате был накрыт для них ужин. Когда собрались все, даже суровый метр Сахаров зашел, Гриша достал из шкафчика две бутылки водки. Сегодня угощал он. За день до майских праздников его пригласили в военкомат и вручили медаль «За оборону Сталинграда».

Гриша Кац ушел на фронт добровольцем и в сорок втором в Сталинграде получил первое легкое ранение и медаль «За отвагу» на узкой ленточке. Через восемь месяцев, когда наши части замыкали кольцо, его ранили тяжело.

Однажды в госпиталь приехал генерал Чуйков. Он обходил палаты и награждал раненых. У Гришиной койки он остановился и спросил:

– Ну, как дела, солдат?

– Хорошо, товарищ генерал.

– Награды имеешь?

– До госпиталя был легко ранен и награжден медалью «За отвагу», – подсказал госпитальный особист.

– Молодец. А как фамилия?

– Боец Кац.

– Смотрите-ка, – искренне удивился генерал, – Кац. Дай-ка медаль, – повернулся он к адъютанту. Потом наклонился к Грише и прикрепил к его рубашке медаль «За боевые заслуги». – Носи – заслужил, а то, что Кац, – это ничего.

После ранения Гришу комиссовали, он вернулся домой и пошел играть в коммерческий ресторан «Астория».

Кац выходил на эстраду в белом пиджаке, на котором были нашиты полоски за ранения и висели две медали. Пусть эти пирующие неведомо на какие деньги люди знают, что он не в тылу проедался, а Родину защищал. А в прошлом месяце третью медаль ему выдали.

Они выпили быстро, времени в обрез было, и Гриша получил две кастрюльки с едой. Повар честно делил остатки среди всех.

Да и вечер неплохой выдался, народ гулял от души, все время заказывал музыку и посылал деньги в оркестр. Так что сегодняшней навар был вполне приличным.

Жил Гриша, считай, напротив ресторана, в Леонтьевском переулке. Милиционеры, дежурившие на улице Горького, его знали и ночной пропуск не спрашивали.

Так и сегодня. Кац взял свои кастрюльки, перебежал улицу Горького и в переулке включил фонарик. Ну вот и дом. Гриша свернул под арку, и тут желтый луч нащупал в темноте лежащего лицом вниз человека. Гриша наклонился и увидел торчавший из его спины нож.

Данилов

Он поспал всего-то два часа, может, чуть больше, как зазвонил, забился телефон.

Вялый со сна, он дошел до стола и поднял трубку:

– Ну?

– Ты чего нукаешь? – Голос начальника был свеж и весел. – Машина за тобой пошла, в Леонтьевском труп, весьма темный. Так что давай. Поспать-то успел?

– Самую малость.

– По нынешним временам это уже кое-что.

Данилов повесил трубку и начал одеваться.

* * *

В прошлом году за ликвидацию банды «докторов» его премировали орденом на отрез. Они с Наташей несколько раз ходили в распределитель «Стрела», Данилов хотел взять отрез обязательно темно-синий, но таких не было. Наташа уговорила его взять серый.

Вопрос с портным решил Никитин, отправив его к своему знакомцу Соломону Когану, у которого на квартире в прошлом году сидел в засаде.

Коган хорошо сшил костюм.

– На вас работать приятно, – сказал он Данилову, – стандартная, хорошая фигура.

Данилов пристегнул над карманом наградные колодки, чтобы не думали, что он всю войну на продскладе проедался, и начал носить костюм.

* * *

Вот и сегодня, завязывая галстук и одновременно ковыряя вилкой в сковородке с тушенкой, которую быстро разогрела Наташа, Данилов ждал гудка машины.

Он успел одеться и даже поест, когда внизу квакнул клаксон «эмки». Данилов спустился вниз. Ночь была темная. Машина стояла у подъезда, и мрачный Быков обстукивал сапогом колеса.

– Куда едем? – недовольно спросил он.

– В Леонтьевский.

– А что там?

– Труп там.

– Чей?

– Вот приедем – узнаем. Давай. – Данилов уселся на переднее сиденье.

Город был пустой, поэтому Быков выжал из их старенькой «эмки» все, что мог. Иногда, когда машину подбрасывало на колдобинах, Данилову казалось, что она вот-вот рассыплется. Только у поворота на Леонтьевский Быков сбросил скорость. Въехав в переулок, он квакнул спецсигналом, и невдалеке вспыхнул фонарик. Данилов вылез из машины.

– Где?

– Сюда, Иван Александрович, – сказал Сережа Белов.

Они вошли в арку, и в тусклом свете карманных фонарей Данилов увидел лежащего человека.

– Где эксперты?

– Здесь мы.

Луч фонаря осветил эксперта и медика.

– Какие предположения?

– Убит ударом ножа. – Эксперт развернул белую тряпку, и Данилов увидел длинное, тонкое лезвие и наборную ручку из плексигласа.

– Думаю, что нож сразу же достал сердце, – вмешался медик. – Такой удар мог нанести только человек очень сильный.

– Что нашли?

– Так вот, товарищ подполковник, – сказал за его спиной Никитин, – нашли, ох нашли.

– Ну что ты вздыхаешь, Никитин, показывай.

Они вышли из-под арки, подошли к машине, и Данилов приказал зажечь в кабине свет.

– А маскировка? – проворчал Быков.

– Ты думаешь, что вся немецкая авиация только и ждет, когда старшина Быков светом своим столицу демаскирует.

– Вам видней. – По голосу шофера было ясно, что его Данилов так и не убедил.

Они сели на заднее сиденье, и Никитин начал раскладывать на планшетке найденные при обыске вещи.

– Оружия нет, а три патрона ТТ нашли. Платок носовой, сорок тридцаток, начатую пачку «Казбека», счет из ресторана «Астория», билет на электричку в первую зону. Билет обратный, он не выкинул его, потому что мог сегодня использовать.

– Вокзал?

– Белорусский. Первая зона: Фили и Кунцево.

– Дальше.

– А дальше совсем непонятно. – Никитин положил на планшет «мурку» – специальное удостоверение сотрудника МУРа. Данилов взял книжечку. Посмотрел обложку, и на сердце полегчало. Не надо было работать экспертом, чтобы сразу определить, что удостоверение туфтовое.

Данилов раскрыл его. Фото. Мордатый парень в милицейской форме. Дальше... Капитан милиции Лялин Борис Леонидович состоит на службе в Московском уголовном розыске.

– Реквизиты Борьки Лялина, – сказал Никитин.

– Это которого?

– Ну, тот, что по мошенникам работает.

– Кто труп обнаружил?

– Гриша Кац, саксофонист из «Астории».

– Смотри-ка, счет из «Астории», и нашел его ресторанный музыкант.

– Позвать его?

– Подожди.

Данилов вышел из машины и искренне пожалел бедного капитана Лялина, которого теперь затаскают по инстанциям и политотделам, а то и в НКГБ потащат.

Данилов вошел во двор, засветил фонарь:

– Белов, Никитин, с фонарями сюда.

Даже в этой темноте было видно, что двор не проходной. Данилов осмотрел все подъезды, черного хода не было.

– Значит, убитый вышел из одного из четырех подъездов, – сказал Данилов. – Где дворник?

Минут через десять привели заспанного дворника, даже на расстоянии от него шел густой запах перегара.

– Видать, политуру жрал, – засмеялся Никитин, – дух от него, товарищ подполковник, уж больно смрадный.

– Вы дворник?

– Силаев Николай Трофимович, – деликатно закрыв рот ладонью, ответил тот.

– Вот какая у меня к вам просьба. Под аркой убили человека. Он шел из вашего дома. Взгляните, может быть, вы его видели?

– Почему не взглянуть. – Дворник кашлянул, обдав всех густым сивушным духом. – Это мы всегда, ежели надо.

Дворник опасливо подошел к труп, наклонился:

– Посвети-ка сюда, товарищ милицейский.

Он еще ниже наклонился, казалось, что хочет обнюхать труп.

– Ты, батя, на него не дыши, – засмеялся Никитин, – а то жмурик закусить попросит.

– Закусить... Надумал тоже, – дворник тяжело разогнулся, – угости папиросочкой лимитной.

Никитин протянул ему пачку «Норда».

– Видать, не в больших ты чинах, раз гвоздики куришь, – сделал вывод дворник. – Ну, кому говорить-то?

– Мне. – Данилов полез за портсигаром.

– Видел его, покойного, значит, третьего дня. И шел он во второй подъезд. Я у него папироску стрельнул, «Пушку».

– А к кому?

– Этого не знаю, товарищ начальник.

– Ну а к кому, по-вашему, он идти мог?

– А что сказать вам, не знаю даже. В подъезде шесть квартир. По две на каждой площадке. Все квартиры отдельные. Коммуналок нет. Если подумать, что человек этот со свертком шел, а в нем я бутылку точно определил, то, думаю, в гости.

– А одет он как был?

– Да как и сейчас, только кепочка на нем была серая, из коверкота, нарядная кепочка.

– Давайте вместе подумаем: к кому мог убитый идти?

– Ну, к примеру, в восьмой квартире живет Лидия Сергеевна Мартынова. Дама она одинокая. Муж под Москвой в ополчении погиб.

– Она работает?

– В «Кинотеатре повторного фильма».

– Никитин? – Данилов обернулся.

– Здесь я, товарищ подполковник.

– Квартира восемь.

– Понял.

Данилов не заметил, как начало светать. Над городом вставал рассвет. И сразу дворы, дома, улицы стали веселыми и добрыми.

Никитин

«Нечего, сейчас дамочку потревожим. У нее теперь самый сладкий сон. Небось выпили, трахнулись, а после этого спится...»

Никитин даже зажмурился от мыслей этих сладких. Нынче он спал всего часа два на колченогом, коротком диване под звон телефонов и шум голосов.

Он повернул рычажок звонка. Тихо. Спит, видно. Повернул еще несколько раз, и опять тишина.

Тогда Никитин с силой рубанул сапогом по двери.

– Кто?.. Кто?..

Женский голос, приглушенный дверью, был еле различим.

– Хрен в пальто, – тихо сказал Никитин, а во весь голос гаркнул: – Милиция, гражданка Мартынова!

– Какая еще милиция?

– Московская краснознаменная рабоче-крестьянская.

– Чего? Чего?

– Уголовный розыск.

Дверь отворилась на ширину цепочки.

Никитин достал удостоверение, осветил его фонарем.

– Вы, наверное, Борин друг? – спросила женщина.

– Именно.

Дверь отворилась, и Никитин вошел в квартиру. Всюду, куда бы его ни заносила служба, чувствовал себя Колька Никитин как у себя дома. Частенько приходилось ему выслушивать выговоры от начальства за его наглое поведение, но он свято считал, что наглость – сестра удачи.

Никитин по-хозяйски прошел по коридору, вошел в комнату, зажег свет. На столе стояли пустая бутылка водки и портвейн «Три семерки», початый до половины, рубиново алел винегрет, кисли остатки селедки со сморщенными ломтиками лука, на большой тарелке одиноко лежал недоеденный кусок сала, на блюде – кусочек омлета из яичного порошка. В комнате тяжело пахло табачным перегаром.

– Вы, гражданочка Мартынова, проветривали бы помещение на ночь.

– Что вам надо?

– Одевайтесь.

– Зачем?

– А затем, что вам нужно труп опознать.

– Какой еще труп? – взвизгнула Мартынова.

– Там узнаете. Одевайтесь, только скоренько.

«А бабенка-то ничего. Даже спросонья, ненакрашенной. Неплохо бандюга здесь устроился, совсем неплохо».

Никитин прошел на кухню. В раковине стояла немытая сковородка, в помойном ведре две банки от американских консервов. Одна была от колбасы, вторая – от свиной тушенки.

«Солидно гуляем. Правда, все пайковое, ничего особенного не было».

– Я готова. – На кухню заглянула Мартынова.

– Ключи не забудьте, а то потом дверь ломать придется.

А народу во дворе прибавилось. Появился следователь прокуратуры Степан Федорович Чернышов. Он стоял рядом с Даниловым в коричневой форме с узенькими серебряными погонами, на которые точно легли четыре звездочки в один ряд.

Данилов

– Вы Мартынова?

– Да.

– У вас вчера был гость?

– Да.

– Кто?

– Его зовут Боря, он из органов.

– Откуда вы это знаете?

– Это он мне сказал, потом я у него пистолет видела.

- Какой?
- Черный.
- Белов.
- Сергей подошел.
- Дай свой ТТ. Такой?
- Вроде бы.
- Посмотрите.

И вновь зажгли фонари. Женщина, страшась, через силу подошла к труп. Данилов откинул брезент.

- Он?
- Да! – закричала, заплакала Мартынова.
- Успокойте ее, – приказал Данилов. – Степан Федорович, а пистолет-то мы не нашли.

Патроны были, а пистолет-то...

- Точно, что его забрал убийца. – Чернышов достал пачку папирос «Бокс», закурил.
- Вы же раньше «Дели» курили, – усмехнулся Данилов.
- Так это раньше было. А теперь по талонам или десять пачек «Дели», или двадцать

гвоздиков. Вот и выбирай.

- И то верно. Обыск у Мартыновой делать будем?
- Всенепременно, а где музыкант, который труп обнаружил?
- А вон на лавочке сидит.
- Вы с ним не говорили, Иван Александрович?
- Пока нет.
- Поболтайте.

Данилов пошел к лавочке, думая о том, что хорошо, что он опять работает с Чернышовым. Степан Федорович был следователем опытным, да и человеком добрым и смелым, а главное, не боялся начальства.

* * *

Он подошел к лавочке и сел рядом с Кацем. И сразу обратил внимание на две нашивки за ранение и три медали на пиджаке.

- На каком фронте?
- Под Сталинградом.
- Артиллерист?
- Нет, пехота-матушка.
- Я начальник отдела борьбы с бандитизмом Московского уголовного розыска подполковник милиции Данилов. Называйте меня Иваном Александровичем. А как вас величать?
- Григорий Давидович.
- Вот и познакомились. Расскажите, как дело было.
- Шел с работы из ресторана «Астория»...
- В какое время?
- Я у дома на часы посмотрел.

Кац отогнул рукав, и Данилов увидел часы-цилиндр с черным циферблатом и красной секундной стрелочкой. Такие часы в сорок первом ребята из его батальона снимали с убитых немцев.

Но он не брал. Брезговал.

– Немецкие?

– Взводный подарил, когда меня в госпиталь увозили. Так вот, на моих было пять минут первого.

- Вы больше ничего не заметили?
- Нет. Я сразу домой и милицию вызвал.
- Значит, вы работаете в «Астории»?
- Да.
- Вот посмотрите. – Данилов протянул Кацу ресторанный счет.
- Наш.
- А вы этого человека раньше в ресторане видели?
- Точно нет. Возможно, официанты... А впрочем...
- Что «впрочем»?
- Есть один человек.
- Кто?
- Знаю, что его зовут Борек, в нашем кабаке почти каждый день. Он-то наверняка всех видит и помнит.
- Почему?
- Так я думаю.
- Опишите его.
- Всегда хорошо одет, лысый, высокий, денежный.
- Это не приметы.
- Ну, худощавый, суетный такой.
- Спасибо, Григорий Давидович, вы идите отдыхайте, а как проснетесь, попрошу к нам на Петровку, пропуск будет заказан. Мы ваши показания на бумаге закрепим.
- Буду. – Кац встал.
- Данилов поднялся в восьмую квартиру.
- В комнате за столом сидел Чернышов и писал протокол обыска. На диване устроились понятые – дворник с женой.
- Нашли что-нибудь? – спросил Иван Александрович.
- Ничего.
- Я так и думал.
- Я тоже. – Чернышов аккуратно закрутил колпачок авторучки. – Как жить-то дальше будем?
- Что Мартынова показала?
- Обычное дело. Познакомились в кинотеатре. Пару раз в цирк ходили, один раз на джаз-оркестр Утесова. Потом он к ней пришел. Работает, сказал, в органах...
- Тоже мне гинеколог, – зло прокомментировал Данилов.
- Чернышов хохотнул и продолжал:
- Вчера выпили, закусили, легли. Поздно ночью звонок. Голос мужской, низкий. Наш «сыщик» сказал, мол, на работу вызывают, и ушел.
- Где живет, не говорил?
- Нет.
- История обычная, сколько мужиков на войне погибло-то. Застоялись бабы, любого дай. А здесь бугай из органов. Ну, я на Петровку, связь держим постоянно.

Данилов и начальник

Секретарь начальника Паша Осетров принес чай и бутерброды с американским шпиком.

Данилов посмотрел на него и в который раз подивился, как ладно, словно на гвардейском поручике, сидит на нем форма.

– Ты ешь, Данилов, – начальник откусил сразу половину бутерброда, – ешь. Не завтракал небось.

– Небось да. С трупом возился.

– Ну, что ты скажешь? – Начальник взял в руки туфтовую «мурку», лежащую на столе. Данилов замотал головой.

– Невразумительно, Ваня. Дело-то хреновое, того и гляди, из госбезопасности приедут.

– Так уж сразу.

– Наш-то политорган уже заколотился. Сажин икру мечет. – Начальник нажал кнопку. На пороге появился Осетров.

– Капитана Лялина ко мне. Ты его знаешь, Иван?

– Почти нет, он из отдела Муштакова.

– Да. Хороший парень. В МУРе с сорокового. В августе сорок первого ушел добровольцем, попал в диверсионную группу, работал в немецком тылу. Получил два «Красного Знамени» и партизанскую медаль второй степени, а вот видишь, – начальник подошел к сейфу, открыл, вынул коробочку и удостоверение, положил на стол, – прислали ему медаль партизанскую первой степени. Он в разных отрядах задания выполнял, так первую награду ему в одном дали, а в другом – следующую. Так вот суди сам, Ваня, как мне с этим Лялиным разговаривать. Кстати, твой Муравьев тоже партизанскую медаль получил.

– А он-то за что?

– Помнишь, в сорок втором он в партизанское соединение летал?

– Помню.

– Самолет подбили, он из немецкого тыла выходил.

– Но ведь он не партизан.

– Значит, тесть его подсуетился, как-никак, а он генерал и замнаркома.

– Непонятно.

– А чего непонятного: Муравьевым уже дважды из наркомата интересовались, спрашивали, какая у него перспектива роста.

– Что поделаешь...

Данилов не успел закончить фразу, в дверь заглянул Осетров:

– Капитан Лялин.

– Давай, – махнул рукой начальник.

В комнату вошли двое: замначальника Серебровский и Лялин.

– Товарищ полковник, капитан Лялин по вашему приказанию прибыл.

Начальник встал.

– Вот какое дело, Лялин. Начну с приятного. Указом Президиума Верховного Совета СССР № 116 от 6 января сего года ты награжден медалью «Партизан Отечественной войны» первой степени. Поздравляю.

– Служу Советскому Союзу.

Начальник подошел к Лялину и прикрепил медаль к его кителю.

– А теперь садись, Лялин, поговорим о неприятном.

Лялин сел, настороженно оглядел начальника, Серебровского, Данилова.

– Ты мне скажи, друг мой Лялин, как ты данное явление оцениваешь. – Начальник протянул ему фальшивое удостоверение.

Лялин взял красную книжку, раскрыл, посмотрел, и кровь отлила от его лица.

– Ну, что скажешь? – Начальник забарабанил пальцами по столу.

– Не знаю, товарищ полковник.

– Скажите, капитан, где вам приходится снимать пиджак или китель, ну, к примеру, в гостях? – спросил Данилов.

– Если я, товарищ подполковник, где-то и снимаю одежду, то удостоверение в карман брюк перекалываю, – резко ответил Лялин.

– Вы не сердитесь, капитан, но дело мужское...

– Понял вас. Есть у меня подруга, работает в Советском райкоме комсомола, мы решили пожениться летом.

– А почему летом? – вмешался Серебровский.

– Она уехала уполномоченным в колхоз.

– Вы в баню ходите? – поинтересовался Данилов.

– Каждую среду идем вчетвером, трое моются, а один караулит, потом мы приходим, он моется.

– Если удостоверение всегда при вас, растолкуйте: как оно попало в чужие руки? – Данилов встал.

Лялин не успел ответить. Дверь распахнулась, и в кабинет вошел замначальника московской милиции, начальник политотдела полковник Сажин. Данилов его терпеть не мог, потому что в этом маленьком худом человеке уживалось столько злобы и подлости, что вполне бы хватило на население города средней руки.

– О чем беседуете? – не здороваясь, спросил он.

– О делах наших невеселых, – зло ответил начальник.

– А это ты, полковник, прав. Дела у вас из рук вон плохие. Городом овладели преступники, а начальник ОББ чаи гоняет. Так, что ли, Данилов?

Иван Александрович молчал.

– Ишь ты, какие костюмы-то носим в то время, как вся...

– Товарищ полковник, – лицо начальника налилось темно-багровым цветом, – попрошу по существу. А что касается костюма начальника ОББ, так отрезом его наградили за ликвидацию банды «докторов».

– Ты по существу хочешь? Изволь. Бдительность вы, дорогие товарищи, потеряли. Бдительность чекистскую. Поэтому и гуляют по Москве бандиты с вашими удостоверениями. Так что же, Лялин?

– Мое удостоверение при мне, товарищ полковник.

– Ишь, при мне, – передразнил Сажин и нехорошо покосился на колодку на кителе Лялина и новую медаль.

«Завидует. Он же завидует наградам Лялина», – понял Данилов.

Над карманом кителя всемосковского политрука скромно висели «Красная Звезда», «Знак Почета» и медаль «За трудовое отличие». Ее, кстати, в сороковом вручали обоим: Данилову и Сажину.

– Ты здесь партизанскими наградами не тряс, Лялин, – зло сказал Сажин. – Ты на нашей работе заслужи награды, тогда тебе честь и хвала. А пока ты, Лялин, утратил чекистскую бдительность. Ты знаешь, что такое красная книжечка работников органов? Это частичка нашего знамени. Понял?

Лялин молчал.

– А ты, значит, врагу это знамя отдал!

– Погодите-ка, товарищ полковник, – Серебровский вскочил, – это не разговор. Ты, Лялин, иди, делом занимайся, мы без тебя перетолкуем.

Капитан вышел из кабинета.

– Я смотрю, – продолжал Серебровский, – вы уже статью шьете боевому офицеру? – Он подошел к Сажину: – Ловко это у вас получается.

– А вы, товарищ Серебровский, не очень-то, не очень, – Сажин назидательно поднял палец, – у вас в личном деле тоже кое-что есть.

– За своих баб, товарищ Сажин, я готов отвечать на любом уровне, а вот офицеров наших марасть не позволю.

– Все, – начальник хлопнул ладонью по столу, – товарищ полковник, у вас есть обоснованные претензии к руководству МУРа?

– Найдутся.

– Тогда давайте говорить об этом у руководства.

– Ну что же, там и поговорим.

Сажин вышел из кабинета, долбанув при этом дверь.

Данилов

Он вернулся в свой кабинет, снял пиджак, расстегнул воротник и расслабил галстук.

«Все-таки редкая скотина этот Сажин. Говорит от имени партии, как будто она состоит из него и сотрудников никому не нужного политотдела. Демагог и скотина».

Данилов прекрасно помнил, как тогда еще рядовой инструктор Сажин на партсобрании выводил на чистую воду работников милиции.

Это-то и предопределило его карьеру, в сороковом он стал начальником политотдела, а в сорок первом еще и замначальника московской милиции.

Когда формировалась милицейская бригада, в которой Данилов стал комбатом, Сажин залег в госпиталь с острым приступом аппендицита.

Знакомый хирург рассказал Данилову, что резали они так называемый холодный аппендицит. Закосил тогда Сажин, закосил. Зато потом свирепствовал, выявляя людей, недостойных звания чекиста.

Но надо было работать, и Данилов взял материалы по сегодняшнему делу.

* * *

«Что же мы имеем? Некого человека, представившегося Мартыновой как Боря из органов. На работе и по месту жительства Мартынова характеризуется положительно. Муж погиб в сорок втором, поженились они в феврале сорок первого.

Она рыла окопы, была бойцом ПВО, даже пожары тушила. Киномехаником была, обслуживала прифронтовые части. Соседи показали, что вела Мартынова образ жизни спокойный и трезвый.

Значит, этот Боря просто случайный роман.

Об убитом известно, что у него был пистолет ТТ и муровское удостоверение. Приходил он к Мартыновой не с пустыми руками, но приносил продукты и выпивку исключительно распространенную, пайковую.

Счет из коммерческого ресторана «Астория». Судя по количеству блюд, за столом было не менее четырех человек. Видимо, двое мужчин и две дамы. И гуляли они достаточно широко. Две бутылки водки, бутылка шампанского и две бутылки портвейна «Айгешат», четыре салата оливье, два салата из крабов, четыре порции ветчины, две языка отварного, четыре порции котлет по-киевски, мороженое, кофе, ликеры.

И деньги заплачены за это крутые – восемнадцать тысяч рублей. Такой счет должны наверняка запомнить».

Данилов поднял трубку и вызвал Муравьева.

Игорь явился немедленно. Был он в форме. Последнее время Данилов заметил, что Муравьев носит исключительно форму, и, надо сказать, хорошо пошитую.

Как рассказал Никитин, Игорь получил отрезы и пошил все в правительственном ателье.

На кителе к двум орденским колодкам прибавилась третья, зеленая.

– Ты что же, Муравьев, зажал высокую награду? – усмехнулся Данилов. – Как-никак ты у нас партизаном стал.

– Сам не знаю, Иван Александрович, вызвали и вручили. Сказали, за тот полет к партизанам в сорок втором.

Игорь говорил искренне, и Данилов сразу поверил ему.

– Вот видишь счет из ресторана «Астория»?

– Вижу.

– Счет заметный, гуляли от души. А официанты на такое дело весьма внимательны.

– Там же наш агент Кочетков.

– С ним встретишься отдельно, покажешь фотографию, дашь задание. Кроме того, там постоянно крутится человек по имени Борек, его укажет руководитель ансамбля Кац...

– Его брат?

– Привезешь в управление. С тобой поедет Никитин, его Кац хорошо знает, и переоденся, возьми в хозчасти военную форму.

Муравьев

Они с Никитиным переоделись и стали офицерами-танкистами, другой подходящей формы у завхоза не нашлось. В финчасти им выдали триста рублей на оперативные расходы.

На эту сумму они могли выпить по чашке кофе и запить его бутылкой нарзана.

Ровно в восемнадцать часов они зашли в ресторан. Ох и красиво же было в «Астории»! Лепнина, золото, ковры, кабинки дубовые. Столы со снежными скатертями и блестящей посудой.

Зал еще полупустой, всего несколько столов было занято, но у Игоря появилось какое-то странно призрачное ощущение, которое приходило к нему только в детстве, когда в тридцать пятом разрешили официально праздновать Новый год.

– Вот жизнь, Муравьев, – вздохнул у него за спиной Никитин, – а мы все по малинам да камерам.

– Знаешь, сколько на такую жизнь денег надо?

– Знаю, я меню посмотрел, моей зарплаты на одну котлету да салат хватит.

– Ну а на мою еще кофе можно дополнительно взять.

А к ним уже подлетал метр. Опытным взглядом он сразу различил, что эти два офицера – новички. Увидел он и их колодки, определив в них фронтовиков. А у этой публики кое-какие денежки водились.

– Прошу, дорогие гости, для фронтовиков мы сделаем все.

– За это спасибо, конечно, дорогой гражданин метрдотель, – Никитин взял инициативу на себя, – пойдемте-ка вот в этот закуток, поговорим.

Метр внимательно взглянул на офицеров и сразу же понял все.

В этом ресторане он проработал много лет, сам был агентом НКГБ с приличным стажем, поэтому знал, зачем приходят сюда люди из органов.

Они зашли в кабину, и Муравьев с Никитиным предъявили удостоверения. Метр внимательно прочитал их:

– Чем могу помочь?

– У нас к вам две просьбы, – мягко улыбнулся Муравьев, – вот счет, пришлите сюда официанта, который его выписывал.

Метр стремительно взглянул:

– Это рука Николая Петровича. Товарищи, что, неприятности какие? Не поверю. Николай Петрович старейший работник, награжден значком «Отличник общественного питания», имеет почетные грамоты...

– Не пугайтесь, нас интересуют люди, которых он обслуживал, и, пожалуйста, посадите нас здесь.

– С удовольствием. Заказывать будете?

– Да. Два кофе и, если можно, налейте чай в бутылку из-под коньяка.

– Я все понял, – усмехнулся метр.

Через минуту занавеска кабинки отодвинулась и появился невысокий, но очень шустрый человек лет шестидесяти, в белой куртке, накрахмаленной рубашке и черном галстуке-бабочке.

– Спрашивали?

– Вы Николай Петрович?

– Именно я.

– Присаживайтесь. – Муравьев протянул официанту счет. – Ваш?

Николай Петрович надел очки, взял счет, посмотрел внимательно:

– Мой.

– А вы не помните, кто сидел за этим столом?

– Помню. Две дамы. Одна брюнетка, яркая такая, на ней был темно-синий костюм, на шее жемчуг натуральный, колечко сапфировое с бриллиантами. Видная дама. Курила она папиросы «Совет Юнион», вторая – блондинка, красивая, в темно-вишневом панбархатном платье, на шее ожерелье из уральских камней, на руке кольцо с бриллиантом, карата полтора, часики золотые «ЗИФ». С ними двое мужчин. Один в темно-синем бостоновом костюме, лысенький, маленький, полный, второй – высокий, статный, костюм, шитый у дорогого портного, материал привозной. Костюм в клетку широкую, синюю с серым. Оба курили «Казбек». У толстого часы «Лонжин» золотые, у молодого не приметил. Рассчитывался толстый. По счету, как положено, ну и на чай, как говорится, хорошо отвалил. Деньги, десять тысяч, дал забандероленной пачкой, остальные из кармана достал, отсчитал небрежно, меня все время братцем называл.

– Николай Петрович, а вы не помните, что он со счетом сделал?

– Как же, помню, в карман положил, в деньги, я поэтому бандероль с пачки снял и спрятал ее.

– Она у вас? – обрадовался Муравьев.

– Извольте. – Официант протянул полоски банковской бандероли.

– А почему, папаша, вы ее сохранили? – вмешался Никитин.

– И сам не знаю, у нас счет прячут в карман только проверяющие.

– Понятно.

– А скажите, Николай Петрович, – продолжал Муравьев, – человек этот часто в вашем ресторане бывает?

– Его, брюнетку и молодого впервой видел, а блондинку несколько раз замечал.

– Вы, случайно, их имен не запомнили?

– Блондинку называли Наташей, молодого – Глеб.

– А этого человека не было с ними? – Муравьев достал фотографию убитого.

Николай Петрович внимательно посмотрел и отрицательно замотал головой.

– Спасибо вам. – Муравьев пожал руку официанту.

– Тут метр, Борис Сергеевич, распорядился подать вам кофе да чаек в бутылочке, я мигом.

* * *

А на эстраду уже поднимался оркестр.

– Я сейчас. – Никитин вышел из кабины.

Ресторан уже заполнился больше чем наполовину. Суетились официанты, за столом сидели хорошо одетые штатские и военные с фронтовыми орденами.

Там, на фронте, денежное довольствие они держали на расчетной книжке. Зачем на фронте деньги. Вырвавшись в тыл, в отпуск по ранению или командировку, лихо просаживали их в кабаках.

Женщин было много. Особая категория дам. Красивые, хорошо одетые, они предлагали себя за право потанцевать, хорошо поесть, забыть хоть на один вечер о тяжелой жизни военного тыла.

Кац сразу же узнал Никитина и показал ему на маленькую дверь рядом с эстрадой.

Никитин юркнул в нее.

– Привет, Гриша.

– Привет, Коля.

Общительный человек был Никитин, даже за те два часа, что они проторчали на месте убийства, он сумел завести дружеские отношения с Кацем.

– Мы, Гриша, во второй кабинке сидим. Как этот фраеришка покажется, ты скажи, что, мол, по заказу фронтовиков-танкистов танго «В парке Чаир». Понял?

– Нет вопросов, Коля.

Никитин вернулся в кабинку и увидел на столе две большие тарелки жареной картошки.

– Это откуда?

– Местное руководство сжалилось над нашей полуголодной жизнью, – усмехнулся Игорь.

– Годится. – Никитин залез в карман галифе и вытащил аккуратно замотанный в тряпицу кусок сала. – Сейчас сальца нарежем. – Он достал маленький перочинный ножик.

– Хозяйственный ты парень, Коля, – одобрительно заметил Муравьев.

– Ты погоди, главное еще будет.

Когда разложили сало и картошку, Никитин взял бутылку коньяка, понюхал, попробовал, потом вылил половину чая в фужер, достал фляжку и налил.

– Что это?

– Спирт.

– Ну ты, Колька, жох.

– А как ты думаешь, будем сидеть и смотреть, как здесь хива всякая гуляет?

– Ну зачем же хива, – Муравьев отодвинул занавеску, – смотри, сколько офицеров.

– Я про них не говорю, сам полтора года на фронте дрался, если бы не ранение... А вот посмотри, штатских сколько. Молодые, все на брони, от фронта освобожденные. Но деньги-то у них откуда? В городе все коммерческие кабаки этой публикой полны.

– Это ты прав. – Игорь разлил «коньяк». – Давай, что ли. Они выпили.

А тут и официант появился:

– Ничего не надо?

– Спасибо, Николай Петрович, – Игорь засмеялся, – мы пока по первой.

– Да, молодые люди, – вздохнул официант, – раньше я ваших товарищей частенько угощал. Спокойно они на жалованье свое наш ресторан посещали.

– Ничего, папаша, – белозубо засмеялся Никитин, – мы еще свое возьмем.

– Ну, отдыхайте, отдыхайте. – Официант исчез.

Играла музыка – старые довоенные мелодии и новые, конечно, те, что в эти годы стали популярными.

И двое молодых парней, обоженные войной, делающие необыкновенно тяжелую и грязную работу, сидели в засаде и еще не понимали, что эти коммерческие рестораны – первый шаг к налаживанию старой довоенной жизни.

* * *

Вечер накатывался стремительно, а Гриша все не называл условленной фразы.

– А может, этот Борек вообще не придет, как ты думаешь, Игорь?

– Тогда мы завтра опять сюда пойдем, – засмеялся Муравьев. – Только я тогда уж из дому закусочки возьму да выпивки.

– По мне, век бы так работать, – потянулся Никитин. И вдруг:

– По просьбе танкистов-фронтовиков любимое танго «В парке Чаир».

Никитин выглянул из-за занавески. В зал входил respectable господин в роскошном песочном костюме.

К нему со всех ног бросился метр и повел его по залу к удобному столику в уголке. Никитин посмотрел на эстраду. Гриша Кац раскачивался в такт мелодии, словно подтверждал. Он. Он. Он.

– Значит, так. Прибыл наш клиент, Игорь.

Никитин вынул пистолет из кобуры, сунул в карман, одернул гимнастерку, поправил гармошку сапог и вышел.

Официант еще не успел подойти, и Борек небрежно изучал меню. В пепельнице дымилась сигарета в янтарном мундштуке. Лежала на столе пачка с желтым верблюдом.

«Весь в ленд-лизе», – ухмыльнулся внутренне Никитин.

Он подошел к столу, подвинул ногой стул, сел.

– Я вас звал? – Глаза у Борека были холодными и жесткими.

– А нас не зовут, мы сами приходим. МУР, ОББ. – Никитин достал удостоверение. – Ты, что ли, Борек?

– Я Костромин Борис Петрович.

– Тогда вставай, Борис Петрович, на выход, только тихо.

– По какому праву? – прищурился Костромин.

– Права качать будешь у нас на Петровке.

К столу подошел Муравьев:

– В чем дело?

– Да вот, товарищ капитан, права качает.

– Вам, гражданин, лучше с нами пройти по-тихому, иначе...

Борек встал, положил в карман сигареты и барственно пошел к дверям.

Данилов

– Значит, вы Костромин Борис Петрович?

На столе лежали паспорт, ночной пропуск и удостоверение корреспондента газеты «Вечерняя Москва».

Задержанный сидел свободно, был спокоен и смотрел на Данилова насмешливо и доброжелательно.

– По всей видимости, вы хотите задать мне какие-то вопросы?

– Хотим.

– Вы уж не сердитесь, товарищ подполковник, но я обязан сообщить о своем задержании.

– Обязаны?

– Именно.

И Данилов понял, кто такой Борек и почему он крутится постоянно в ресторане.

– Какой телефон?

– Б 4–22–20.

И номер до слез знакомый. Значит, ты, братец, агент НКГБ. Данилов набрал номер.

– Полковник Запускалов, – ответили в трубке.

– Начальник ОББ МУРа беспокоит...

Собеседник не дал Данилову закончить фразу:

– Иван Александрович, пламенный чекистский привет. Чего тебе наша контора понадобилась?

Голос Запускалова был неслужебно веселым.

– Мы в «Астории» задержали Костромина...

– Что он натворил? – забеспокоился Запускалов.

– Да ничего, а вот вопросы мне ему кое-какие задать необходимо.

– Иван Александрович, дорогой, я сейчас к вам сотрудника нашего подошлю, не возражаешь?

– А если бы и возражал, что бы изменилось?

– Это ты прав. – Запускалов сочно захохотал и повесил трубку.

– Ну что же, Костромин, будем ждать ваших шефов. Вы пока в коридоре посидите.

– Ну что? – заглянул в дверь Муравьев.

– Ждем соседей.

– Значит, он, – Игорь присвистнул, – агент их?

– Не думаю, агента они бы не расшифровали, думаю, штатный сотрудник.

– Мне бы такую работу – в ресторане проедаться, – засмеялся Муравьев.

– Кесарю – кесарево, а слесарю – слесарево.

– Что-то туманно, поясните, Иван Александрович.

Данилов не успел ответить. Дверь без стука отворилась, и на пороге возник подполковник с голубыми кантами на погонах и воротнике кителя.

– Вы Данилов? – спросил он резко.

– Я подполковник Данилов. – Ивана Александровича взбесило хамство, которое сквозило в каждом жесте офицера госбезопасности.

– Ты зачем нашего человека заловил? – Подполковник без приглашения устроился на диване.

– Надо было, и заловил, у тебя, что ли, разрешение спрашивать?

– А спросить бы не мешало.

– Слушай, – Данилов встал, – ты чего пришел? Учить меня работать?

– Ты, Данилов, не взлетай высоко. А почему органы не могут тебя поучить?

– Значит, ты в органах работаешь, а я в гинекологическом кабинете? – Данилов почувствовал, как ярость медленно начинает заполнять его всего.

– Что ты сказал? – заржал подполковник. – Гинекологический кабинет, это вроде ты в нем работаешь.

– Вроде.

– Ну молоток ты, Данилов. Я ребятам нашим расскажу, они со смеху помрут. Ну ты и молодец! Давай знакомиться. Свиридов я, Алексей Григорьевич. Для тебя просто Леша.

– Так-то оно и лучше, Леша.

– Что стряслось?

Данилов вкратце рассказал всю историю, умолчав об удостоверении Лялина.

– Паренька вы заловили нашего. Капитана Баскина. Он там всяких чужеземцев пасет. Понимаешь?

– Чего не понять.

– Ну и, конечно, наши попадают. Тут, видишь, вопрос деликатный, как протокол ты будешь оформлять?

– По изъятому паспорту.

– Вот это ты удружил. – Свиридов вскочил, подошел к столу. – Ей-богу, удружил, а то начальство дознается.

– Вот ты бы, Свиридов, с этого начал, – миролюбиво сказал Данилов, – а то сразу – органы, учить...

– Ваня, – Свиридов прижал к груди руку, – народ-то знаешь какой нынче, каждый на чужом в рай въехать хочет.

Он подошел к двери и крикнул в коридор:

– Заходи.

В кабинет вошел Баскин.

– Вот что, Боря, – сказал ему Свиридов, – ты на все вопросы подполковника Данилова ответь, помоги коллегам.

– Вот протокол допроса официанта, ознакомьтесь. – Данилов протянул капитану бумаги.

Баскин внимательно прочел, положил на стол.

– Я, товарищ подполковник, эту компанию помню. Из той четверки знаю только блондинку, на нее у нас есть установочные данные.

– Вот это дело, приятно с чекистами работать рука об руку, – обрадовался Данилов. – Ну а теперь, гражданин Костромин, давайте все это официально оформим.

Когда они закончили писать протокол и даже чаю попили, Свиридов сказал прощаясь:

– Ты, Ваня, со мной пошли одного из своих ребят, я ему установочные данные на эту бабу дам, – и у самых дверей добавил: – Бумажка-то насчет удостоверения вашего Лялина у меня лежит, я ей, Данилов, ходу пока не дам. Разыщешь урок – порву, а нет – сам понимаешь.

– Спасибо, Леша. Значит, уже успел.

– А ты как думаешь, Ваня? Так что хорошим людям в этой жизни надо вместе держаться.

Чекисты ушли, а Данилов еще раз подумал о скотине Сажине. «Вот надо же, успел телегу сочинить. А может, не он? Наверняка агенты госбезопасности у них в МУРе тоже осели».

И Данилов вспомнил, как несколько лет назад прямо на работе забирали хороших сыщиков и преданных делу людей. Забирали, увозили, и они исчезали навсегда.

Кто-то же закладывал их.

Нет, наверняка агентурная сеть НКГБ работает и в их конторе, поэтому и народ на Петровке стал не таким, как в тридцатые. Тогда в отношениях искренности было больше.

Белов

Утром его вызвал Данилов.

– Ну, как дела у тебя, Сережа?

– Все в порядке, Иван Александрович.

– Здоровье?

– Пока в норме.

– А что с квартирой? Вернулись родственники?

– Вернулись, Иван Александрович. Квартиру разменяли. Я в том же доме остался, у меня однокомнатная, а предки на Пушкинскую переехали.

– Значит, все хорошо?

– Отлично.

Но Данилов уловил в словах Сережи некоторую горечь.

– Ну, вот видишь, я вроде как чуткость проявил. Ты не расстраивайся, все образуется.

– А все и образовалось, Иван Александрович.

– Ну вот и славно. Соседи помогли нам установить одну из дам, что за столом в «Астории» сидела. Наталья Николаевна Головня. Работает в ателье на Ленинградском шоссе, рядом с Клубом летчиков. Так что поезжай к ней, побеседуй.

Сергей вышел из МУРа и сощурил глаза от солнца. Денек сегодня выдался на славу. Он не торопясь дошагал до Петровского бульвара, закурил и пошел в сторону Пушкинской. Две молоденькие девушки, видимо студентки, стрельнули глазами в его сторону. Пробежали мимо и засмеялись. Ну что ж. Жизнь продолжается. Вон девушки какие красивые ходят. Несколько женщин засыпали зенитную огневую. Когда-то здесь стояла автоматическая 37-миллиметровая пушка «эрликон».

Теперь она уже не нужна – фронт не только ушел от Москвы, но и уже перешагнул границу. Войска сражались в Румынии.

Рядом с Радиокомитетом, на Путенках, стояла мороженщица.

– «Мишка на Севере», «Машка на юге»! – кричала она, зазывая покупателей.

У ее лотка стояли двое пацанов и брали половинку брикета на двоих. Четвертушка стоила семь пятьдесят, половина – пятнадцать.

Сергей взял половину. Мороженое из суфле странного военного продукта было коричневатым, но все равно необыкновенно вкусным. Сергей ел мороженое, стараясь не капнуть на песочный коверкотовый костюм, недавно пошитый у знакомого портного.

Это был его первый собственный костюм. Красивый и модный. И туфли на нем были что надо. Коричневые, тупоносые, прошитые светлыми строчками. Туфли эти подарил ему еще в сорок втором Мишка Костров. Так они и лежали, ждали своего часа. Хорошо себя чувствовал Сергей Белов в новом, по фигуре сшитом костюме.

И день выдался хороший. Прямо довоенный. Изменилась Москва. Сергей вспоминал май прошлого года, не таким еще был город, чувствовалось в нем нечто прифронтовое. А сегодня народ стал веселее, увереннее. Карточки отоваривают обильнее, женщины надели яркие платья, да и мужчины скинули френчи и гимнастерки, щеголяют в довоенных костюмах.

Вот на Пушкинской во всех домах соскоблили бумажные кресты со стекол. Правда, жестяные выводы для труб буржук еще остались.

Город еще был военным, но уже не прифронтовым. На остановке у кинотеатра «Центральный» народу было не много. Но он пропустил двенадцатый троллейбус, потому что за ним шел двадцатый, двухэтажный. Сергей забрался в верхний салон, сел у окна, и поплыла Москва мимо окон.

Улица Горького приняла подобающий вид. Убрали мешки с песком из магазинных витрин, вымыли стекла, и они сияли на солнце забытой мирной чистотой.

У Театра кукол, на Маяковской, стояла очередь за билетами. Сергей посмотрел налево и увидел толпу у входа в Оперетту. В Москву вернулись все театры, и люди часами простаивали в очередях, чтобы попасть вечером в иной, радостный, выдуманный мир, в котором были и любовь, и коварство, но обязательно счастливый конец. На три часа забыты тесные коммуналки, неустроенность военного быта, карточки, ордера, литеры, изнурительный многочасовой труд.

У Белорусского вокзала троллейбус на несколько минут остановился. Путь перегородила дровяная платформа, в которую были запряжены две хилые лошади. Возчик и милиционеры в орудовской форме никак не могли стащить с места коней, напуганных проехавшей газогенераторной полуторкой.

Наконец с помощью прохожих коней удалось заставить оттянуть платформу, и троллейбус благополучно проехал.

* * *

Сергей вышел из троллейбуса у Клуба летчиков. Прошел несколько метров и увидел надпись «Ателье». В большой приемной ожидало своей очереди достаточно много народу. Из примерочных кабинок доносились голоса клиентов и портных, на столах лежали доведенные затрепанные журналы мод, пахло раскаленными утюгами и лежалой материей.

Сергей подождал, когда освободится приемщица, и, наклонившись к столу, сказал тихо:

- Я из милиции, мне нужна товарищ Головня.
- Наталья Николаевна?
- Именно.
- А вон дверь видите? Прямо туда, она там работает.
- Белов постучал, не получил ответа и толкнул дверь.

В большой комнате на столе были разложены странно нарезанные бумаги, над которыми, словно конструктор над чертежами, склонилась красивая блондинка в синем халате с кружевным белым воротничком, надетым на платье.

- Вы ко мне? – спросила она, не поднимая глаз.
- Да.
- Вы из Дома моделей?
- Нет, я из милиции.
- Головня выпрямилась:
- Мило. Вы что, наш новый участковый?
- Нет, я из МУРа. Старший лейтенант Белов.
- А я-то вам зачем?
- Надо поговорить.
- Ну что ж, – Головня села на диван, закинула ногу на ногу, закурила, – слушаю вас.
- Семнадцатого апреля вы были в ресторане «Астория».
- Смотрите, какая точность. Да, была. А разве нельзя?
- Кто был с вами?
- Моя подруга Нина Кольцова и ее друг Глеб Катышев, кинооператор со студии документальных фильмов.

- Но по счету платил четвертый.
- Да, некто Сергей Семенович, я его знаю мало.
- Но все-таки знаете?

– Конечно. Он шил у нас костюм из очень дорогого габардина. Я закройщик. Вот он и пришел ко мне. Взял телефон, начал звонить. В тот день ко мне домой пришли Нина с Глебом. Он только что вернулся с румынской границы, рассказывал очень интересно. Глеб привез две бутылки токая, в общем, хороший вечер был. Тут и звонит Сергей Семенович. Короче, напросился в гости. Пришел с шоколадом и коньяком, а потом пригласил нас в «Асторию». Вот и все.

- Скажите, Наталья Николаевна, чем занимается Сергей Семенович?

– Он об этом говорил весьма туманно. Сказал, что на фронт не попал по здоровью и работает на каком-то предприятии директором.

– А конкретно?

– Более ничего.

– Вы его адрес или телефон знаете?

– У нас связь односторонняя. Звонит он. А адрес наверняка есть. Мы ему квитанцию выписали.

Головня ушла и вернулась с пачкой квитанций, полистала.

– Ну вот, нашла, – обрадовалась Головня. – Записывайте: Стукалин С. С. Большой Кондратьевский, дом три, квартира шесть.

– Спасибо.

* * *

Кондратьевский переулок был полон народу. Тишинский рынок, словно квашня, разползся по всем близлежащим улицам. Здесь торговали подозрительными леденцами, пирожками домашней выпечки, старыми вещами.

Сергей протиснулся сквозь гомонящую толпу, вошел во дворик дома номер 3. В нем расположилась группа огольцов, игравших в три листика.

– И только за туза! – сказал банкомет и осекся, увидев Сергея. – Атас, пацаны, мусора! – крикнул он и, оставив на земле дощечку и карты, бросился к арке проходного двора.

Сергей узнал его, это был один из шайки Кочана, которого он задерживал зимой прошлого года.

«Помнит, – усмехнулся Белов. Поднял карты и порвал. – Нужно кончать с Тишинкой. Этим морем человеческого горя и грязи».

Практически все московские карманники, мошенники и даже штопорилы¹ слетались сюда в предвкушении легкой добычи. Тяжело доставалось ребятам из 62-го отделения и Советского райотдела.

* * *

Шестая квартира была на втором этаже.

Сергей поднялся по скрипучей замусоренной лестнице. На площадке стояло три ведра, в одном из них копалась крыса. Она не обратила никакого внимания на оперуполномоченного МУРа и продолжала искать остатки жратвы. В странном месте проживал директор предприятия. Дверь шестой квартиры была аккуратно выкрашена темно-коричневой краской.

Белов повернул рычажок звонка.

Дверь открылась сразу. На пороге стоял человек с сапогом и щеткой в руках.

– Вам кого?

– Стукалина Сергея Семеновича.

– Ошиблись, гражданин, здесь таких нет.

Сергей достал удостоверение:

– Я из милиции.

– Проходите. Только мне на смену скоро.

¹ Штопорила – грабитель, вооруженный холодным оружием.

– Вы железнодорожник? – Сергей увидел на вешалке форменный китель с серебряными погонами.

– Мастер я в депо на Белорусском.

– Значит, здесь не живет Стукалин?

– Здесь, дорогой товарищ из милиции, жил мой дед кондуктор, отец машинист, а теперь я с семейством. И фамилия моя Гришаев. А Стукалина никакого я не знаю.

Сергей распрощался и отправился в 62-е отделение.

В паспортном столе по учету на территории Большого Кондратьевского проживал один Стукалин – Иван Иванович, да к тому же ему в этом году исполнилось восемьдесят лет.

Сергей вышел на улицу Горького, опять сел в троллейбус и поехал в ателье.

* * *

– Это вы? – улыбнулась Головня. – Ну что, нашли моего поклонника?

– Наталья Николаевна, – Сергей закурил, – он вам дал ложный адрес.

– Значит, боялся, что я его преследовать буду, – лучезарно улыбнулась Головня.

И Сергей опять залюбовался ею. Хороша была она, очень хороша.

– Наталья Николаевна, когда Стукалин звонил вам последний раз?

– Вчера.

– Вы о чем-нибудь договаривались?

– Я сказала, что на этих днях у меня соберется компания. Пригласила его.

– Когда вы думаете собрать друзей?

– Завтра. Суббота, очень удобно.

– А я могу попасть в их число?

– А не боитесь?

– Чего?

– Влюбиться. У меня очень красивые подруги.

– Лучше вас все равно нет, – вздохнул Сергей.

Головня засмеялась:

– Спасибо за комплимент. Значит, вы будете моим поклонником.

– Боюсь – не справлюсь.

– А вы не бойтесь. Как мне вас представить друзьям?

– Скажите, что я юрист.

– А вы вправду юрист?

– Немного недоучился. До войны был студентом юринститута, сейчас по мере сил заканчиваю образование заочно.

– Ну вот и здорово.

– Только о нашем разговоре никому.

– Я понимаю.

Сергей записал свой телефон:

– Жду звонка.

– А зачем, собственно? Записывайте адрес. Столешников, восемь, квартира три. Телефон Б 1–01–07.

Данилов

Все утро прошло в пустых хлопотах. Обзванивали райотделы и отделения, куда направили фото убитого, проверяли отпечатки по картотеке, внимательно изучали вещи. Ничего.

Группа оперативников отработывала версию Фили – Кунцево. Данилов, по своему обыкновению, обложился старыми делами, стараясь хоть в них найти какую-нибудь зацепку. У архивных папок была одна странная особенность: они читались, как авантурные романы. И Данилов мысленно воспроизводил все обстоятельства тех далеких историй, вспоминал ребят, работавших с ним, задержанных уркаганов, смешные и печальные случаи.

Из далекого прошлого его вернул звонок Серебровского.

– Ты у себя? – спросил Сергей.

– Нет, в ЦПКиО.

– Тогда жди.

Через несколько минут в комнату вошли Серебровский, Муштаков и крепкий мужик в форме Главсевморпути.

– Знакомься, Ваня, это товарищ Любимов.

Данилов пожал руку пришедшему.

– Что от нашей службы нужно доблестным полярникам? Вы присаживайтесь.

Любимов сел, достал трубку:

– Разрешите?

– Сделайте одолжение.

На Любимове, как влитой, сидел китель с орденом «Знак Почета» и двумя необыкновенной красоты знаками. На рукаве теснились широкие нашивки, над которыми был прикреплён сине-белый флажок Главсевморпути. Любимов затаился глубоко, наполнив кабинет сладким ароматом трубочного табака, и спросил у Серебровского:

– Все с начала?

– Именно, – вздохнул Серебровский.

– Я, товарищ Данилов, на Северной Земле руковожу целым рядом объектов нашего ведомства.

– Если не секрет, какими? – Данилов удобнее устроился в кресле.

– Не секрет. Радиостанции, зимовки, гидрометслужба, маяки, фабрики. Работаем, помогаем фронту «мягким золотом»...

– Не понял?

– Дорогим мехом. Даём погоду нашим морякам и летчикам, ну и Крайний Север от фашиста охраняем. Несколько раз уже атаки немецких рейдеров отбивали. Потрепали фашистов, как могли. В прошлом месяце меня руководство вызвало в Москву. Орден Боевого Красного Знамени получать, да и дела, сами понимаете, есть. Ну и, конечно, награды отвезти. Я дома, товарищ Данилов, не был с сорокового. Деньги нам платят немалые, тратить их некуда, вот мы и покупаем меха.

Любимов расстегнул карман кителя, вынул пачку квитанций, положил перед Даниловым:

– Все куплено на законном основании, на госфабрике. Покупки такого рода разрешены нам распоряжением Главсевморпути от 12 июня 1936 года.

Данилов взял квитанции, просмотрел. «Ничего себе, богато подкупил Любимов «мягкого золота».

– Солидно, – усмехнулся Данилов.

– Жене, матери, сестре. Всем на воротники и шубы.

– А что же вас привело к нам?

– Три дня назад ко мне позвонил наш дворник. С ним вошли двое работников МУРа, капитан Лялин и лейтенант Евдокимов, предъявили ордер на обыск, изъяли мех. Я им пытался объяснить, что он приобретен законным путем. Они тогда выписали мне повестку и сказали, что на Петровке разберутся.

– Они забрали мех? – Нехорошо стало на душе у Данилова.

– Да.
– Телефон оставили?
– Нет. Только повестку.
– Вы их удостоверения видели?
– Конечно, даже фамилии записал.
– Володя, – повернулся Данилов к Муштакову.
Муштаков вышел и через несколько минут вернулся с Лялиным и Евдокимовым.
– Вы знаете этих людей? – спросил Данилов.
– Нет.
– Вы свободны, – повернулся Данилов к офицерам и, когда они вышли, достал из стола фотографию убитого: – Вам знаком этот человек?
– Это капитан Лялин, – уверенно ответил Любимов.
– А вы можете описать второго?
– Он уже это сделал, – вмешался Серебровский.
– Товарищ Любимов, – Данилов встал, – подождите, пожалуйста, в соседней комнате.
– Ну что? – спросил Муштаков, когда потерпевший вышел.
– Разгон, Володя, типичный разгон, – усмехнулся Серебровский. – Думаю, что они залепили несколько, только вот потерпевшие не заявляют.
– И никогда не заявят, – Муштаков хлопнул ладонью по столу, – они шли по наводке. К работникам ОРСов, торгашам, артельщикам.
– Значит, надо искать потерпевших. – Данилов запер дверь, достал из сейфа электроплитку. – Хотите чаю?
– Да какой уж здесь чай, Ваня. – Серебровский расстегнул китель и уселся на диван. – Какой чай. Того и гляди, госбезопасность навалится.
– Володя, – попросил Данилов, – ты пригласи Лялина и Евдокимова. А я попрошу Муравьева оформить показания Любимова, а Самохин дворника допросит.

* * *

Через полчаса в кабинете сидели растерянные оперативники.
– Ну вот что, ребята, – Данилов прихлебнул чая, – вы должны мне совершенно определенно сказать, где раздевались, оставляя документы без присмотра. Одиночные амурные походы я исключаю. Где вы могли раздеваться совместно?
– Баня, – неуверенно ответил Евдокимов.
– Отпадает, – перебил его Серебровский, – там вы у вещей вооруженный караул выставляете.
– В боксерской секции, товарищ полковник. – Лялин вскочил. – Мы же там раздеваемся.
– Так-так, – оживился Данилов, – ну-ка, давай по порядку. Вот вы пришли на тренировку...
– Мы снимаем одежду и запираем ее в шкафчики.
– Запираете, значит, – Данилов прищурился, – а кто в секции знает, что вы работники МУРа?
– Знают несколько человек.
– Кто именно?
– Тренер Василий Павлович Орлов, мой массажист Степаныч...
– Фамилия, – вмешался Серебровский.
– Огородников, – ответил Евдокимов, – Михаил Степанович.
– Еще кто? – Данилов закурил. – Ну, вспоминайте, вспоминайте.

– Борис Панкратов, чемпион Москвы, Олег Разуваев из пожарной охраны, Игорь Силин.

– Володя, – повернулся Данилов к Муштакову, – пробей эти фамилии, получи установочные данные. Когда у вас тренировка, ребята?

– Завтра в восемнадцать.

– Замечательно, вот завтра вместе и отправимся. А пока об этом молчок. Никто не должен ничего знать.

Муштаков с оперативниками ушли, а Серебровский остался.

– Ты мне чаю плесни, Ваня, – попросил он, – а пожрать что-нибудь есть?

– У тебя, Сережа, как у того солдата из анекдота: дайте огонька, вашего табачка покурить, а то так жрать хочется, что и переночевать не с кем.

– Жлоб ты, Данилов, – Серебровский потер ладонями лицо, – истинный бог, жлоб ты и жмот.

– Ладно уж, подьемим запасы.

Данилов достал из стола полбуханки хлеба и завернутый в тряпку шмат сала.

– Не может быть, – ахнул Серебровский, – а вдруг у тебя еще что-то есть? – Он щелкнул пальцем по шее.

– Найдем. Как же ты будешь пить с подчиненными?

– Пошел ты. – Серебровский заметно оживился, подошел к столу, потирая руки.

Данилов открыл сейф, вынул большую литровую флягу.

– Что там? – изумился Серебровский.

– Чача.

– Врешь!

– Сам сейчас увидишь.

– Где взял?

– Мишка Костров лежал в госпитале в Сухуми. Потом, как ты помнишь, был отпущен по ранению домой на пять суток. Он и приволок.

– Ну и сила воли у тебя! – ахнул Серебровский. – С тех пор не трогал?

– Сережа, сила воли здесь ни при чем. Тогда, помнишь, мы группу квартирных налетчиков Бусыгина брали?

– Помню.

– Я с Мишкой толком и переговорить не успел. Флягу эту сунул в сейф, а потом делами прикрыл. А вчера искал одну бумажку, и нате вам.

– Наливай, – крикнул Серебровский.

Данилов отвинтил крышку, и комнату наполнил терпкий аромат виноградной водки. Они выпили. Закусили бутербродами с салом.

– Смотри, Ваня, – печально сказал Серебровский, – по граненому стакану врезали, и ни в одном глазу.

– Это от нервов, Сережа. Хочешь еще?

– А ты будешь?

– Нет.

– Тогда и я нет. Давай чайком отлакируем.

– Дерьмо наше дело, – сказал Данилов и передал разговор с людьми из госбезопасности.

– Это ты прав. Дело дерьмовое. А подполковника этого с Лубянки я знаю. Он мужик нахрапистый, но неплохой, нашу службу курирует.

– Значит, так, – Данилов ткнул пальцем в окно, – нам с тобой не верят.

– А меркуловская служба никому не верит.

– Это точно, – Данилов зло ткнул папиросу в пепельницу, – сколько наших ребят посажали.

– Ваня, ты же сам начинал в бандотделе МЧК, так что должен знать эту публику.

– Народ там был и есть разный, как и у нас.

– Ты о другом подумай. Брат Володи Муштакова нынче генерал на фронте, а в тридцать восьмом его Ежов пригреб. В сорок первом ему ордена и звания вернули и на фронт. Володю тогда в органах восстановили. А сейчас если они копнут, то вполне может Муштаков как враг народа на лесоповал загреметь. Поэтому мы ему должны помочь. Операцию буду курировать я. Полная секретность. А как выйдем на сволочей этих, нужно сделать так, чтобы они меньше языками чесали.

– Шлепнуть?

– И это возможно.

– Не слишком ли, Сережа?

– Нормально. Здесь на карту судьба наша и наших товарищей поставлена.

– Да, жизнь.

– Ничего, Ваня, жизнь, она трудна, но, к счастью, коротка.

– Значит, на это уповать будем?

– Как пойдет. У тебя план есть?

В дверь постучали.

– Разрешите, Иван Александрович, – просунул в дверь голову Белов.

– Заходи, Сережа. Ну что?

– Человек, плативший по счету, известен Головне как Стукалин Сергей Семенович. В квитанции на пошив костюма он указал адрес, по которому не проживает.

– Головня имеет с ним связь?

– Одностороннюю. Он звонит ей сам. Завтра у Головни собирается компания, возможно, будет и Сергей Семенович. Меня она пригласила.

– Ну что ж, Сережа, – Данилов усмехнулся, – пойдешь в гости к милой даме. Соединишь приятное с полезным.

– Возьмешь троих ребят из наружки, – вмешался Серебровский, – они у дверей потолкаются. Мало ли что.

Никитин

Отрез, которым его наградили в прошлом году, Колька так и не получал. Он обменял ордер на желтую хромовую куртку. Правда, она была чуть потертая, но Никитин в ней чувствовал себя хорошо.

Фили он практически отработал сразу. На вокзале ему пояснили, что билет на электричку, найденный у убитого, был куплен в Кунцеве. На станцию они пришли с местным опером из линейного отдела. Начальник станции собрал всех кассирш. Они сидели в его кабинете в синей железнодорожной форме со странными погонами-эполетами.

– Дорогие наши подруги, – обратился к ним Никитин, нагло сверкнув фиксой, – сейчас мы вам покажем фото человека, который покупал билет в вашей кассе. Мужчина он видный, его любая женщина заметить должна.

– Это мы посмотрим, – засмеялась ядреная, румяная кассирша, – только зачем вы его ищите?

– От вас, милые красавицы, у МУРа тайн нет, – засмеялся Никитин, – этот негодяй, пользуясь резким отсутствием мужчин, соблазнял и обворовывал женщин.

– А что брал?

– Продовольственные карточки.

– Вот сволочь, – ахнула самая пожилая со старшинскими нашивками на погонах женщина.

– Так вот вам портрет этого проходимца, – Никитин положил на стол фото, – смотрите внимательно.

– Я ему билеты продавала несколько раз, – сказала одна из кассирш.

– И я.

– У меня он тоже брал.

«Вот и ладненько, – обрадовался Никитин, – значит, этот бандюга здесь жил или часто бывал».

Он поблагодарил кассирш и опера из линейного отдела и направился в Кунцевский райотдел.

* * *

У самого вокзала притулился дощатый павильон с зовущей вывеской «Пиво – воды». Никитин толкнул дверь.

Народу в павильоне было не много. У трех мраморных столиков пили пиво несколько мужиков. За стойкой обосновался мордатый однорукий буфетчик в грязноватой белой куртке.

Никитин подошел и лег грудью на стойку.

– Вам чего? – Буфетчик посмотрел на него маленькими, заплывшими жиром глазами.

– Тебя. – Никитин достал удостоверение.

Буфетчик прочитал его и побледнел.

– Слушаю.

– Смотри внимательно и не говори, что не знаешь. Если бы не видел его никогда, я бы к тебе не пришел.

Буфетчик взглянул на фотографию. И Никитин понял, что тот знает убитого.

– Слава это, экспедитор.

– Где работает?

– Не знаю.

– С кем приходил? Ты вспоминай, а то я тебя в КПЗ заставлю память тренировать.

– Зачем прешь на инвалида, начальник?

– Только ты мне не говори, что руку под Севастополем потерял. Тебе ее на лесоповале повредили.

Наугад сказал Никитин и по выражению лица буфетчика понял, что попал.

– Так меня сактировали. Завязал я.

– Это я проверю. А теперь колись: что у тебя за дела со Славой были? Как зовут?

– Алексей Куприянов.

– Кличка? Масть?

– Сторож. Домушником по малолетству был.

– Ну а теперь, друг Леша, расскажи мне о делах своих со Славой.

– Сука буду, начальник, никаких дел не было. Он же экспедитором работал, вещи мог достать, я у него кожан коричневый купил и бабе шубу под котик.

– Богато живешь, Сторож.

– Дом матери продали, вот и деньги.

– Где он жил?

– Падлой буду, не знаю.

– Опять спрашиваю: с кем приходил?

– У нас здесь скупка имеется, так он с приемщицей был, Татьяной.

– Вот это уже что-то. Ты, друг Леша, заведение свое закрывай, иди домой, возьми пальто и шубу и в горотдел. Там сиди и жди меня.

* * *

Через полчаса Никитин сидел в кабинете начальника угрозыска горотдела. Скупка находилась рядом, на Советской улице.

– Что про эту Татьяну я сказать могу, – начальник задумчиво почесал висок, – баба она, конечно, гулявая, живет одна в своем доме на Рублевском шоссе, но так за ней ничего особенного замечено не было.

В кабинет зашел оперативник:

– Товарищ майор, Татьяна Зацепина сегодня не работает, дома она.

– Откуда знаешь?

– Почтальон сказал.

– Ну тогда поедem к ней в гости. Собирайся, Никитин.

– Нищему собраться – только подпоясаться, – засмеялся Колька.

* * *

Хорошим домом владела гражданка Зацепина. Очень хорошим. Нарядный, выкрашенный свежей краской, стоял он, словно франт, среди нищих, замызганных соседских домов.

– Неплохо наша торговля живет. – Никитин ударил кулаком в калитку.

Забилась, залаяла собака за забором.

– Эй, Зацепина! – крикнул начальник розыска. – Открывай!

Никто не отвечал, но Никитин заметил, что в окне забелело лицо.

– Что-то здесь не так, – повернулся он к майору, – вы давайте отсюда, а я дом обойду.

Никитин обежал дом, перемахнул через штакетник чужого участка и увидел две доски, оторванные от забора дома Зацепиной.

Везло ему. В прошлом году на Почтово-Голубиной улице в Кунцеве брали они банд-группу, теперь опять какие-то странные дела.

До него доносились собачий лай и крики милиционеров. Потом Колька услышал быстрые шаги и тяжелое дыхание людей. Он вынул пистолет и загнал патрон в ствол. Доски раздвинулись, и к ногам Никитина кто-то выкинул два чемодана и узел.

Потом из щели вылезли двое парней. Один лет двадцати, второй совсем пацан.

– Ручки поднимите, – сказал насмешливо Никитин, – уголовный розыск.

Перед ним стояли два человека в тельняшках, на которые были надеты пиджаки, в смятых в гармошку сапогах-прохорях, в кепочках-малокозырочках. У того, что постарше, руки синие от наколок.

– Мусор, гад, – захрипел он и выдернул из-за голенища финку.

– Ну, ты, окоротись. И нож брось, придурок, а то я тебя шлепну. – Никитин вынул из-за спины руку с пистолетом.

Но блатарь уже приготовился к прыжку, и Колька не стал ждать. Он выстрелил точно в руку вора, и тот заорал, забился. Второй в ужасе обмочил штаны.

– Ну, вы, урки с гондонной фабрики, – Никитин повел стволом пистолета, – быстро к забору.

Никитин увидел, как штаны у пацана стали черно-мокрыми.

В лаз просунулась голова майора.

– Что у тебя?

– Да вот, – лениво ответил Никитин, – двух уркаганов с чемоданами и узлом прихватил.

– А чего стрелял?

– А вот этот шустряк на меня с ножом прыгнул.

– Этот... Ну спасибо тебе, Никитин. Это же Мишка Жерех. Мы все его никак заловить не могли. Он в сорок втором на нелегалку ушел, чтобы на фронт не попасть, так и лепит скачки по квартирам. А второй, который от страха обмочился, Витька Зубцов по кличке Зуб. Торговлю билетами у кинотеатра и клубов держит. Вот и попался на скоке. Решил в домушники податься.

* * *

В доме Зацепиной все было перевернуто, хозяйка, крашеная блондинка, еще не снявшая с головы бигуди, размазывала по щекам слезы.

– Я пошла в туалет, значит... А они... Значит, схватили меня... Связали, значит... А один помоложе, значит... он мне груди жал... Я, значит, говорю... Хочешь, значит, и тебе дам... Только не трогай, значит... А тот, что постарше... На хрен ты нам нужна, корова крашеная. Значит... Мы с твоим товаром, значит, молодых найдем.

– Это вы, гражданочка Зацепина, о своих переживаниях Славе расскажите. – Никитин уселся на стул и закурил.

– Какому Славе? – Зацепина словно поперхнулась.

– А тому, что у тебя два чемодана меха оставил.

– Мой это мех, от бывшего мужа остался.

– Ты мне горбатого не лепи, Зацепина, а то из потерпевшей враз в бандпособники попадешь.

Никитин вынул из чемодана шкурку песца.

– Видишь штамп? Фактория на Новой Земле. Твой покойный там, что ли, работал?

– Он в винном магазине стахановцем был, – засмеялся майор, – в сороковом до того напился, что умер прямо в подсобке.

– Вот она, суровая жизненная правда, Зацепина. – Никитин встал, угрожающе наклонился над женщиной. – Не крути мне двадцать шестой талон...

– Ох, – захохотал начальник угрозыска, – ну ты даешь, Никитин, по двадцать шестому у нас нынче яйца дают.

– Ты, Зацепина, – продолжал Колька, – со Славой своим распрекрасным в пивной у вокзала выпивала и закусывала, что может подтвердить буфетчик Лешка Куприянов по кличке Сторож.

– Никитин, – в комнату, отдуваясь, вошел оперативник, – мы в сарае за дровами еще два чемодана нашли.

– Не мои они, – завизжала Зацепина, – ничего про них не знаю.

– Давай понятых, открывай чемоданы, – скомандовал майор.

Через несколько минут на столе в комнате оперативники разложили отрезы, две каракулевые шубы, мужское кожаное пальто, горжетки из чернобурки, дорогие мужские костюмы. На дне одного из чемоданов лежала жестяная красная коробка от конфет фабрики «Рот Фронт».

Никитин раскрыл ее и присвистнул. В коробке лежали золотые и серебряные карманные часы, кольца, бусы, браслеты.

– Будет что сдать в Фонд обороны, так, что ли, гражданка Зацепина? У тебя здесь, оказывается, целая коммиссионка. Собирайся, со всем товаром поедешь со мной на Петровку.

Данилов

На ринге в центре зала плотный лысый парень метелил худощавого пацана лет семнадцати.

– Коля, – кричал тренер, – не увлекайся. Меньше ударов, больше двигайся, ногу разрабатывай.

– Это Королев? – спросил Данилов.

– Он самый. Его в ногу ранили, когда он командира партизанского отряда из боя выносил. Вот теперь разрабатывает, – не поворачиваясь, ответил тренер. – Миша! Не бойся его, нападай. Темп, Миша! Темп.

Данилов впервые попал на тренировку. До этого он видел Николая Королева на матчах в цирке, в Парке культуры. Он не особенно любил бокс, и вообще его миновала судьба болельщика. Но то, что он увидел сегодня, производило впечатление.

– Иван Александрович, – к нему подошел Лялин, – пойдемте, я взял ключ от раздевалки.

* * *

Они вышли из зала, спустились по лестнице. В длинной комнате стояло десятка два шкафчиков с фамилиями спортсменов, написанными масляной краской. Шкафчики Лялина и Евдокимова были рядом. Данилов подергал дверцу – заперто.

– Что у вас там? – спросил он Лялина.

– Тапочки, трусы, майки, полотенце, мыло.

Данилов достал из кармана перочинный ножик, раскрыл, вытащил маленькое лезвие.

– Значит, говоришь, перед тренировкой вы сюда вешаете одежду?

Лялин кивнул.

Данилов вставил лезвие в замочную скважину, подергал немного, и шкафчик открылся.

– Евдокимова рядом?

– Да, – как-то отрешенно ответил Лялин.

По его лицу Данилов понял, что капитан не мог представить себе, что здесь, в спортивном обществе, где он проводил самые лучшие минуты жизни, может случиться нечто отвратительное и грязное.

Шкафчик Евдокимова тоже открылся сразу.

– Вот видите, – Данилов положил в карман ножик, – это единственное место, где вы оставляете свои документы.

Лялин молчал. И Данилов подумал, что он похож на обиженного ребенка, которому ничего не подарили на день рождения.

– Так как же, товарищ подполковник, – голос капитана сорвался, – неужели здесь?

– Вы же разыскник, Лялин, думаю, что это самая перспективная версия. Тренер надежный человек?

– Да.

И Данилову понравилась твердость этого парня, с которой он защитил, одним всего словом, своего наставника.

– А остальные?

– Кого вы имеете в виду?

– Боксеров, например.

Лялин задумался:

– Знаете, товарищ подполковник, у нас боксеры или пацаны непризывного, или работники органов, или чемпионы, у которых бронь.

– Хорошо. А обслуживающий персонал?

– Здесь бывают только массажисты, ну и врач, конечно.

– Понимаете, мы с вами не можем, Борис, обращаться по начальству, требовать личные дела, объяснять суть дела. Начальник приказал мне все сделать втихую, чтобы скандал этот не стал для вас суровым наказанием. Конечно, некоторые личные дела мы отсмотрим. Но все же надо работать методом личного сыска. Я полагаю, Борис, дело серьезнее, чем вы думаете, поэтому вам с Евдокимовым необходимо начать усиленные тренировки. С Муштаковым я договарюсь.

– Знаете, товарищ подполковник, мне даже верить не хочется, что здесь такое случиться может.

– Тогда, Лялин, – жестко сказал Данилов, – есть всего одна версия, что вы сами передали свои удостоверения преступникам.

– Как вы можете...

– Могу, Лялин, если вы отказываетесь работать. Все, пошли.

У выхода из спортзала их ждал Быков, сидевший за рулем ГАЗ-67Б, в просторечии именуемого «Иван-Виллис».

– Это что? – подошел Данилов.

– Машину новую дали.

– А как же зимой ездить будем?

– А до зимы, товарищ начальник, еще дожить надо.

– Справедливо.

– Куда?

– На Петровку.

У открытой машины было одно большое преимущество. Казалось, что ты не едешь, а прогуливаешься по разбежавшимся московским переулкам. Старые особнячки с побитыми медальонами на фасаде, доходные баландинские дома, облицованные кафелем, проплывали, как мимо пешехода, торопящегося куда-то. Именно сейчас особенно виделось, что переулки зелены и тенисты, и жизнь, простая и знакомая, раскрывалась перед Даниловым.

Он болезненно любил эти старые московские уголки. Работая в девятнадцатом в ЧК, он облазил их, обтоптал ногами, гоняясь за Сабаном, Айдати, Адвокатом. Конечно, строили новые дома, гостиницы, клубы. Но по сей день не привык Данилов к грузной гостинице «Москва», ставшей на месте развеселого торжища Охотного Ряда.

«Но Москва Москвой, а дело начинает вырисовываться. Главная зацепка – спортобщество, с него и надо начать».

– Быков, подбрось-ка меня на Лубянку.

– К соседям?

– Именно. Вы, Лялин, на Петровку и с Евдокимовым в спортзал. Сориентируетесь на месте. Думаю, что те, кто взял ваши удостоверения, и у других что-то смогут позаимствовать.

* * *

Данилов вышел на Кузнецком у бюро пропусков НКГБ и позвонил по внутреннему телефону.

– Свиридов, – рокотнул в трубке веселый баритон.

– Леша, это Данилов.

– Ваня, ты где?

- На Кузнецком.
- Сейчас пропуск спущу.
- Не надо, сам выйди, пошептаться надо.
- Иду.

* * *

Почему-то Данилов сразу поверил этому нахрапистому подполковнику. За долгие годы работы в ЧК и угрозыске Данилов встречал самых разных людей, как они любили говорить, стоявших на охране завоеваний революции. Они были разными, но одно объединяло их – страх. Работая в страшном монстре, который был создан не для защиты, а для запугивания людей, они сами становились жертвами болезни, которую много лет культивировали в стране. Данилов сам был поражен этим чудовищно устойчивым вирусом.

Он работал в органах в те годы, когда ни личное мужество, ни оперативное мастерство, ни преданность делу, ни честность не могли уберечь человека от внезапной и незаслуженной кары.

Видимо, это ощущение постоянной тревоги заглушило в нем естественное желание служебного продвижения. Ему уже было сорок четыре года, а он четырнадцать лет руководит отделом и по сей день носит подполковничьи звезды. Несколько раз с ним заводили разговор о переходе в наркомат на более высокое положение, но Данилов уходил от этого разговора. Не все же такие, как Сережа Серебровский, который горел, и вновь поднимался, и снова горел. У Сережи был удивительно легкий характер, и жил он весело и просто, а это Данилову как раз и не удавалось.

* * *

За мыслями этими невеселыми Данилов и не заметил, как появился Свиридов.

– Привет, Данилов. – Он крепко пожал ему руку.

– Здравствуй.

– Ну, куда пойдем?

– Подальше от дома вашего.

– И то дело. Пошли на Сретенский бульвар.

– Давай лучше к Мясницкой, там рядом с библиотекой павильон «Пиво – воды». Пошли пивком побалуемся.

В пивной было тихо и пусто, пол недавно помыли, и от него поднимался пар. Они взяли по две кружки пива.

– Мне помощь нужна, Леша.

– Какая? – Свиридов одним глотком опорожнил полкружки.

– Пошли своего человека как работника военкомата некоторые личные дела проверить в спортобществе. Думаю, именно там лепят туфтовые документы.

– Кто об этом знает?

– Мы с тобой и Лялин, он там шустрит.

– Ваня, сделай так, чтоб об этом никто не узнал. Ты понимаешь, как меня поставят, если узнают, что на глазах у госбезопасности кто-то лепит липовые документы? Ну хорошо, сделали двум разгонщикам ксивы, а вдруг они пропуска на номерные заводы начнут изготавливать?

– Леша, думаю, что дело это одноразовое. Просто кто-то решил бандочку собрать.

– Потерпевших много?

– Пока один. Пришел сам. Работал на Севере, все меха запомнил. А они наверняка находят тех, кто жаловаться не пойдет: артельщиков, торгашей, бойцов из ОРСа.

– Ваня, что надо узнать?

– Очень просто. У тебя боксеры в отделе есть?

– Найдем.

– Пусть один сотрудник проверит в кадрах списки всех бронированных. А другой твой паренек должен начать тренироваться, но никто не должен знать, что он из НКГБ. А удостоверение ты ему какое-нибудь сообразишь.

– А кто почта будет?

– Лялин и Евдокимов.

– Добро.

Они попрощались, и Данилов по бульвару пошел в сторону Петровки.

* * *

День выдался на редкость хороший, на лавочках мирно сидели московские старушки. Мужчин почти не было, даже старики работали в это плохое время.

Данилов шел и не мог объяснить, почему его преследовало чувство беспокойства. У коммиссионки на Сретенке он пошел в будку телефона-автомата.

– Белов, – ответила трубка.

– Что у нас, Сережа?

– Иван Александрович, на Верхней Масловке час назад мануфактурный склад взяли. Двое убиты. Вы где?

– Машину на Сретенку.

Вот и начался май с приятных сюрпризов. Только где на Масловке склад мануфактуры? Вроде не слышал Данилов о нем. Может быть, новый? Да не столько нынче мануфактуры в городе, чтобы новое хранилище строить.

У Цветного бульвара рывкнула милицейская сирена, а через несколько минут и Быков подкатил.

– На Масловку? – мрачно спросил он.

– Туда.

– Там исполком получил отрезы и обувь, которые по ордерам должен был распределить. Их и взяли.

– Где хранили?

– Как я слышал, в помещении, выделенном домоуправлением.

– Охрана?

– Два вохровца убиты.

Значит, налет. Банда новая появилась. Правда, почему новая? Возможно, старые клиенты дело провернули. Только этого не хватало. Две недели назад повязали банду Алпатова, громившую продовольственные склады на окраинах Москвы. Брали их тяжело, со стрельбой, жертвами. Алпатов до последнего патрона отстреливался в подвале дома на Серпуховке, гранату бросил. Но все-таки взяли его и пятерых подельников. И вот тебе новый налет с трупами.

Быков свернул в арку, подъехал к маленькому одноэтажному дому, у которого сгрудились несколько машин и два милицейских мотоцикла.

Данилов вышел из машины и зашагал мимо козырявших милиционеров к подъезду.

На солнышке грелась разыскная собака Абрек, она для порядка мотнула хвостом, узнавая.

Проводник Трофимов кинул руку к козырьку.

– Ну что? – спросил Данилов.

– Моя техника ни к чему. Они на полуторке уехали.

Данилов вошел в дверь и увидел сидящего на ступеньках Муравьева.

– Кто там, Игорь?

– Серебровский и все наши. – Муравьев встал. – Поганое дело, Иван Александрович, три трупа.

– Как три?

– А очень просто. Два вохровца и сотрудница из собеса.

Данилов вошел в первую комнату, здесь Серебровский, зажав в зубах папиросу, о чем-то говорил с худым человеком в зеленом кителе с отложным воротником.

– Это зампредисполкома Пахомов Андрей Гаврилович, – сказал Серебровский, – он тебе все, Иван, разъяснит.

– Понимаете, товарищ... – Пахомов запнулся.

– Данилов.

– Товарищ Данилов, – продолжал он, – мы три дня назад на центральном складе получили отрезы и обувь для выделения по ордерам. Складировали ее здесь, в бывшем помещении районного Осоавиахима...

– Вы раньше здесь складировали что-нибудь? – перебил его Данилов.

– А как же, продуктовые новогодние подарки детям. Пальто и костюмы для распределения по ордерам, регулярно держим здесь продуктовую помощь для инвалидов войны.

– Значит, помещение специально оборудовано?

– Конечно. Решетки, двери металлом обиты, замки. Охрану выделяют из двух, а иногда трех вохровцев с наганами.

– Кто обнаружил трупы?

– Я.

– Каким образом?

– Утром инспектор собеса Лидия Семеновна Воронина приехала, я к ней курьера послал со списком тех, кого отоваривать должны были.

– Утром – это когда?

– В девять. А в десять пятнадцать позвонил ей, телефон не отвечал, я опять перезвонил. Никто не ответил, тогда я решил сам приехать, тем более поступили четыре новые фамилии семей фронтовиков. Приехал – и вот...

– Андрей Гаврилович, вы по порядку.

– Приехал, смотрю – дверь входная открыта, вторая тоже настежь, я туда. В соседней комнате Лидия Семеновна лежит в крови, а в коридоре два вохровца.

– Замок один был, навесной, – вмешался Серебровский.

– Они, видимо, газовыми щипцами дужку перекусили, второй открыли отмычкой.

– А у кого были ключи?

– От навесного замка у нашего завхоза. Он их у меня в сейфе держал, – ответил Пахомов, – а второй у Ворониной.

– Ключ в сейфе?

– Да.

– Много пропало?

– Сорок два отреза. Бостон, драп пальтовый, сукно костюмное. Пятьдесят пар детской обуви. Десять воротников черного каракуля.

– Прилично, на легковой не увезешь.

– У дома следы полуторки, судя по золе, работала она на газогенераторе, – сказал вошедший эксперт.

– Хорошо. Пойду посмотрю. Муравьев! – Данилов встал.

– Я здесь.

– Опроси орудовцев.

– Уже.

– Что «уже»?

– Опросил. Здесь два поста – у Савеловского и на выезде на Ленинградку. Инспектор ОРУДа старшина Старков обратил внимание на полуторку с газогенераторным баллоном. Номер желтый, областной, первые буквы МР.

– Хорошо. Отрабатывай машину.

Данилов вошел в соседнюю комнату и почувствовал сладковатый запах крови. На полу, сжавшись в комок, лежала худенькая женщина.

– Удар большой силы, – сказал за его спиной эксперт, – точно под левую лопатку.

Ступая осторожно, чтобы не запачкать в крови ботинки, Данилов вышел в коридор.

На полу лежали двое в зеленых вохровских гимнастерках. Сержант и рядовой.

– Оружие?

– Забрали, – сказал оперуполномоченный Самохин, – два нагана и четырнадцать запасных патронов.

– В обоих случаях удар большой силы под левую лопатку, – снова сказал эксперт.

– А труп в Леонтьевском?

– Убит точно так же. В морге посмотрим повнимательнее.

– Отпечатки?

– Нигде нет.

– А на кобуре?

– Видимо, работал в перчатках. Но следы ног имеются. Три. Один сорок третьего размера, видимо, сапог хромовый. Второй сорокового, рубчатый, от американских ботинок, а третий расплывчатый.

– Значит, трое.

– Иван Александрович, – подошел Сережа Белов, – я хорошо отработал жилсектор...

– Ох, Сережа, ты же интеллигентный парень. Забудь ты эти милицейские формулировки: отработал жилсектор, огневой контакт, визуальный контакт, распитие спиртных напитков. Говори по-русски.

– Хорошо, – засмеялся Белов. – Поговорил с возможными свидетелями и кое-что выяснил.

– Что именно?

– Вон дом видите? – Сергей показал на покосившийся двухэтажный деревянный дом.

– Вижу.

– Лемешева Анна Дмитриевна, 1885 года рождения, неработающая, домохозяйка, рассказала, что ходила отоваривать карточки, устала, присела на лавочку. Вот здесь машина и подъехала. Один, в солдатской форме без погон, выпрыгнул из кузова, второй, в синем пиджаке, военных галифе и хромоных сапогах, вылез из машины. Вдвоем они зашли в помещение, а минут через десять кликнули шофера, тот взял какой-то инструмент и вошел в дом. Потом они начали выносить отрезки и коробки. Погрузили в машину и уехали.

– Как выглядел шофер?

– Она говорит, что был одет в штатское, вроде бы в серый костюм.

– Молодец, Сережа, это уже кое-что.

К ним подошел Серебровский:

– Дерьмо наше дело, Иван-царевич.

– А то. – Данилов достал папиросу.

– Думаешь объединять дела?

– Если эксперты подтвердят идентичность убийства.

– Соображения есть какие-нибудь?
– Глухо, как в танке.
– Ты остаешься?
– Сейчас поеду поговорю с орудовцем и на Петровку.
– Поехали вместе.
В машине Серебровский достал папиросы, протянул Данилову.
– Спасибо, Сережа, у меня во рту и так горько.
– Пил вчера?
– Нет, перекурился.
– Неужели у тебя никакой зацепки нет?
– Есть.
– Не томи.
– Они газовые щипцы с собой взяли, значит, знали точно о висячем замке. Ключ от него у зампреда исполкома был, а второй ключ у убитой.
– Наводка?
– Чистая.
– Ну и слава богу. Значит, найдем.
– Не сглазь.
Серебровский засмеялся.

* * *

На углу Верхней Масловки, прислонившись к коляске «харлея», стоял старшина. Увидев машину с милицейским полковником, он вытянулся и бросил руку к козырьку.

– Подойдите, старшина, – приказал Серебровский.
– Товарищ полковник...
Серебровский махнул рукой, мол, потом, не на строевом смотре.
– Слушаю вас.
– Скажите, Старков, почему вы обратили внимание на ту полуторку? – спросил Данилов.
– Конечно, баллон газогенераторный, а потом... – Старшина задумался.
Данилов достал портсигар. Луч солнца зайчиком преломился на нем.
– Есть, товарищ... – Старшина замялся.
– Подполковник.
– Товарищ подполковник, у него на радиаторе собака никелированная.
– Какая собака? – удивился Данилов.
– Ну, как на «линкольнах».
– Вот за это спасибо, старшина. Вы нам здорово помогли.
В кабинете было прохладно. Свежий воздух разогнал никотиновую горечь, которая, казалось, впилась в стены. Данилов снял пиджак, повесил на стул. Но надел его снова и пошел в столовую.
За крайним столом сидела компания оперов и говорила о чем-то веселом. Душой, конечно, был Никитин, он рассказывал что-то, жестикулируя руками. Данилов подошел. Все встали.
– Может, и мне расскажешь, – он посмотрел на наглое лицо Никитина, – я тоже посмеюсь.
– А чего рассказывать, товарищ подполковник, я след этого уркагана в Кунцеве нашел. Бабу, подельщицу, привез и барахло с разгонов.
– Откуда знаешь, что с разгонов?

– Так меха все согласно описи изъял.
– Молодец, каков молодец! Да вы садитесь, ребята.
– Что вы так поздно пришли, товарищ подполковник? – спросил один из оперативников. – На кухне ничего не осталось.

– Ну, это мы посмотрим, – усмехнулся Никитин. – Дайте мне талоны, Иван Александрович.

Никитин исчез в маленькой двери, ведущей в подсобку, и через несколько минут подавальщица Варя принесла Данилову наваристый борщ, макароны с тушенкой и кисель из порошка.

– Вот что такое ОББ, мужики, – повернулся к компании Никитин. – Когда мне доложить, товарищ подполковник?

– Пока я ем, Коля, волокни всю хурду-мурду в мой кабинет, на ключ.

Никитин разложил добычу на диване и столе.

– Да, – Данилов покрутил головой, – целый универмаг. Молодец. Где арестованная?

– Дозревает.

– Ты к ней кого подсадил?

– Аллу.

– Эта сработает. Пусть до ночи посидит, а потом ты ее из камеры дерни.

– Понял.

Зазвонил телефон.

– Данилов.

– Иван Александрович, – говорил замнач московской милиции, – Никитин в твоём отделе?

– Да.

– Из Кунцева благодарственное письмо прислали, он двух урок взял с поличным. Мы приказ готовим о поощрении. Он все еще в общежитии?

– Да, товарищ полковник.

– Пусть за ордером на комнату зайдет. Повезло ему – в Столешниковом жить будет, обрадуй парня.

Данилов положил трубку, посмотрел на Никитина. Не понравился Кольке взгляд начальника, ох не понравился. Видать, кто-то капнул ему по телефону.

– С каких пор ты, Никитин, таким скромным стал? – прищурился Данилов.

– А что случилось, товарищ подполковник?

– Ты в Кунцеве двух урок заловил и молчишь.

– Урок! – Никитин засмеялся. – Хива типичная, шпана мелкая. Ну, полез один с ножом, я ему руку прострелил.

Данилов посмотрел на Никитина. Приятен был ему этот парень, хоть и намешано у него в голове было всякого. Но был он отважен и непримирим к преступникам. Перед войной работал опером в Туле, потом воевал, был ранен. У Никитина преобладало одно качество. Настоящим мужиком он был. Надежным товарищем, честным парнем, который не продаст в трудную минуту и горе с тобой разделит.

Из тех, с кем начал войну Данилов, остался один Игорь Муравьев. Погиб в сорок первом Ваня Шарапов, в сорок втором застрелил сволочь Музыка Степу Полесова, лежат они – один на Ваганьковском, второй в райцентре. Остался один Игорь. Но это был уже не тот Муравьев, который пришел в ОББ в сороковом.

Тестя его Фролов сильно в гору пошел, стал генералом и замнаркома. Изменился Муравьев, незаметно, но изменился. Иначе к нему стало относиться руководство милиции. Все чаще посылали его на всевозможные торжественные заседания. А тут и медаль партизан-

скую дали. За дело «докторов» всем работникам дали медаль «За боевые заслуги», а Муравьеву – орден Красной Звезды.

Данилов хотя и отгонял от себя дурные мысли, но все-таки стал держаться с Игорем осторожнее. Да и обстановка в отделе стала немного напряженной, ребята не хотели работать под командой Муравьева.

Вхождение во власть – дело азартное, пьянящее. Муравьев уже стал на первую ступень черного хода. Жил он теперь в роскошной квартире тестя, пользовался его служебной машиной, паек на семью давали правительственный, форму Игорь шил в литерном ателье.

А сыщики – народ остроглазый. Все замечают сразу. И образовалась некая пустота вокруг капитана Муравьева. А он не замечал этого. Потому что компания у него нынче стала другая.

«Ну что ж. Я ему не судья. Пусть живет как знает».

* * *

Об этом подумал Данилов, глядя на наглую фиксатую улыбочку Никитина.

– Коля, – Данилов закурил, – ты здорово поработал. Завтра вызовем Любимова, ты ему весь мех вернешь. И напишем об этом в нашей многотиражке.

Никитин даже зарделся от удовольствия.

– А теперь ты всю эту хурду собери и давай бабу эту сюда.

КПЗ, конечно, не санаторий, но, чтобы так человека размазало за несколько часов, Данилов видел нечасто.

Перед ним сидела трясущаяся, практически потерявшая человеческий облик женщина. Видимо, здорово поработали с ней две соседки, камерные агенты.

– Курите, Зацепина. – Данилов положил на стол папиросы.

Задержанная промычала что-то невнятное, с ужасом глядя на него и Никитина.

– Никитин, у тебя сало осталось? – спросил Данилов. – Сделай бутерброд.

– Мигом. – Никитин выскочил за дверь.

Данилов встал, открыл сейф, вытащил из глубины бутылку пайковой водки, налил пол-стакана. Появился Никитин с бутербродом.

– Выпейте, Зацепина. – Данилов придвинул ей стакан.

– Да пей, Татьяна, пока мы добрые, а то сомлела совсем, – засмеялся Никитин.

Колька взял стакан, посмотрел на него с жалостью и протянул Зацепиной.

Она взяла его, но никак не могла поднести ко рту, больно уж тряслись руки.

– Вот же несчастье мое. – Никитин взял ее за руку и почти насильно вылил водку ей в рот.

Зацепина глотнула, закашлялась.

– Зажуй сальцем. – Никитин сунул ей бутерброд. – Зажуй.

Алкоголь сделал свое дело, и через несколько минут Зацепина начала приходить в себя. Глаза стали осмысленными, на лице даже алые пятна пошли.

– Ну вот, так-то и лучше, – усмехнулся Данилов. – Вы, Зацепина, вляпались в историю поганую. И теперь от вас зависит, как ваша дальнейшая жизнь сложится. Пугать я вас не стану. Скажу, что мы занимаемся делом, связанным с убийством.

– Я... я... – выдавила Зацепина.

Данилов достал фотографию убитого.

– Знаете этого человека?

Зацепина кивнула.

– Мы с тобой, Татьяна, – Никитин подвинул к ней свой стул, – по-хорошему, по-доброму говорим. Выложи все, и на душе полегчает. Как фамилия-то Славы?

- Андреев.
- Вот и хорошо. А живет он где?
- В Сукове.
- Это по Киевской дороге?
- Ага...
- В самой деревне? – спросил Данилов.
- Да.
- Вы там были?
- Дома у него – нет.
- Откуда знаете, что он из Сукова?
- Мы к деревне на машине подъезжали.
- На какой?
- На Гришиной.
- Кто такой Гриша?
- Друг Славы.
- Фамилия?
- Не знаю, его Батоном они звали.
- Что за машина?
- «Эмка» белая.
- Номер?
- Не знаю.
- Кто еще был?
- Петр Нефедович.
- Кто это?
- Фотограф.
- Фамилия?
- Не знаю.
- Адрес?
- Не знаю я, – зарыдала Зацепина.
- Да погоди ты, Татьяна, не голоси. На, курни лучше, успокойся. – Никитин взял папиросу, прикурил, сунул задержанной в рот. – Вот затянись, табак, он, знаешь, помогает сильно. Молодец. Хорошо нам помогаешь. Так и живи дальше.

Зацепина глубоко затянулась несколько раз и немного успокоилась.

– Так где же нам найти Петра Нефедовича? – спросил Данилов. – Может, что припомните?

- Он где-то в фотографии работает.
 - Да, негусто, – усмехнулся Данилов. – А какой он из себя?
 - Высокий. Худой. Лет пятьдесят. Одевается хорошо.
- Зацепина окончательно пришла в себя и говорила спокойно и осмысленно.
- Ну а нет ли у него примет каких-то?
 - Перстень на руке носит.
 - Я имею в виду родинку, шрам, след от ожога.
 - Рука у него левая... нет, правая обожжена.
 - Где?
 - На внешней стороне. – Зацепина показала на своей руке.
 - Наверняка у него там татуировка была, – сказал Никитин.
 - Вещи они вам часто привозили?
 - Два раза.
 - Зачем?

- Чтоб я их по своему паспорту в скупку сдавала.
- Сдавали?
- Да. Можете квитанции проверить.
- Проверим. Откуда они брали вещи?
- Гриша и Слава говорили, что берут их в распределителе.
- Ох, Зацепина, Зацепина. Женщина вы умная, торговый техникум закончили, неужели вы им верили?
- Нет. – Зацепина опять зарыдала.
- Вот в том-то и дело.
- Я заработать хотела.
- Ладно, идите в камеру. Подумайте. Завтра следователь прокуратуры допросит вас по всей форме. Говорите с ним как на духу. Это ваш единственный шанс избежать сурового наказания.
- Конвоир увел задержанную.
- Ну что, Коля, по коням.
- Понял, Иван Александрович.
- Белая «эмка», Суково и фотограф.
- Никитин ушел.

* * *

Данилов вышел из-за стола и пересел на диван. Откинулся, вытянул ноги.

«Вот же день какой суматошный выдался. Сколько всего в него вместилось. Спортбщество, разговор со Свиридовым, потом трупы на Башиловке. Допрос Зацепиной. Но главное – вышли на разгонщиков. Вышли. Этот фотограф, конечно, никакой не Петр Нефедович. Наверное, он и есть наводчик. Пожилой. Значит, из старой знакомой клиентуры. Надо пойти к Серебровскому пошептаться. Он многих помнит».

Муравьев

«Хорош Данилов, ничего не скажешь. Уехал, а три трупа мне оставил. Неужели эти разгонщики недоношенные важнее, чем бандиты? Правда, начальник отдела почему-то эти два дела объединил, но, видать, возраст сказывается. Сорок четыре года – это уже срок. Устал, видно, Данилов. Да и как не устать, когда он с восемнадцатого года жуликов ловит. Двадцать шесть лет одно и то же. Неужели и мне уготована такая судьба?»

Раньше Игорь искренне восторгался Даниловым, подражал ему, во всем старался брать с него пример.

Но это раньше было. Когда он другой жизни не видел. Сейчас Игорь Муравьев жил как бы в двух разных измерениях. Один работал. А второй – дом и все, что связано с ним.

Тесть получил дачу в Барвихе, и там вечерами собиралась приятная компания молодых людей, чьи отцы были руководителями страны. В основном молодые офицеры, слушатели Военно-воздушной академии им. Жуковского. Правда, были и ребята, все младшие лейтенанты, из Военного института иностранных языков.

Вечерами танцевали под пластинки запрещенного Лещенко. Выпивали в меру, за девушками ухаживали. К Игорю в компании относились с почтением. Он был работником органов, летал во вражеский тыл, брал бандитов, имел боевые ордена.

Приятель тестя, сосед по даче, генерал-полковник, зав административным отделом ЦК, в прошлый выходной позвал Игоря на чай и сказал ему:

– В начале следующего года получишь майора. Выдвинем тебя на начальника отдела. Потом на такую же должность в наркомат. Года через три-четыре станешь генералом.

Вот такой жизнью нынче жил Игорь Муравьев. Поэтому скучно ему было ловить эту нечисть. Втайне он мечтал не о наркомате внутренних дел, а о службе в госбезопасности, вот там-то он себя сумел бы проявить по-настоящему.

А дело словно специально само шло к нему в руки. Машину нашли через час, брошенную в роще у Дмитровского шоссе. А еще через час из облугрозыска сообщили, что принадлежала она колхозу «Путь Ленина» под Кучином, убитого водителя Бориса Анастасьевича Громова, инвалида войны, нашли в кювете между Обирановской и Кучином.

* * *

Игорь поехал в облугрозыск к замначальника Скорину. Его люди работали на месте преступления. Громов был убит ударом ножа под левую лопатку. На месте преступления были сняты три следа, а главное, найдена зажигалка, на которой четко отпечатался большой палец.

– Мы этот пальчик быстро установили и ничего хорошего не обнаружили, – усмехнулся Скорин. – Ты, Муравьев, о Ленке Греке слышал?

– Нет, Игорь Дмитриевич.

– Зловредный урка. В сорок втором мы его повязали, уж не знаю, как он из лагеря в штрафбат загремел. Только до фронта не доехал, сбежал с этапа под Клином. Вот зажигалка эта.

Скорин открыл стол и положил на зеленое сукно большую плоскую зажигалку. С одной стороны она была покрыта затейливой инкрустацией, на другой была выгравирована надпись: «Лене от Лиды на память».

– Игорь Дмитриевич, я мог бы взять эту зажигалку на час?

– А почему нет. Пиши расписку.

* * *

Мартынову Игорь нашел в будке киномеханика. Они прошли в кабинет директора кинотеатра, и Муравьев положил на стол зажигалку.

– Знакома? – спросил он.

– Да. Я ее Лене подарила.

– Откуда она у вас?

– Купила на Тишинке.

– Где гравировку делали?

– В Столешниковом.

– Давайте запишем показания.

По дороге в областное управление Игорь с раздражением думал о правоте Данилова. За все время работы с ним он ни разу не построил неправильной версии. Что и говорить, талантливым сыщиком был Данилов. Есть известные теноры, писатели, драматические актеры. Его начальник становился на одну ступень с ними. Правда, почета и славы у него было немного. Да и чин невеликий. Другие вон давно в полковники вышли, а кое-кто и в комиссары. А он носит свои две звезды и доволен.

«Нет, МУР не для меня. Конечно, для дальнейшей службы очень неплохой трамплин. Скоро я стану замначальника отдела, потом начальником. Ну а там посмотрим». Теперь он не злился на Данилова, что тот кинул ему это дело. За Грека вполне при его связях можно орден получить. И дело-то как удачно сложилось, само в руки идет.

Никитин

Ребята из ОРУДа быстро нашли белую «эмку». Но тут загвоздочка получилась. С первых дней войны почти все личные автомобили были переданы в Фонд обороны. По Москве их осталось – по пальцам перечесть. Правительство вернуло машины пожилым актерам, старикам академикам, большевикам-каторжанам.

А вот с белой «эмкой» совсем дело дрянным оказалось. Ее полковник Василий Сталин подарил руководителю джаз-оркестра Гаранину. По слухам, именно Гаранин со своими музыкантами играл на всех гулянках сына вождя.

Сам Гаранин на ней не ездил, и носился на дареной машине его сын Игорь, студент юридического института. На фронт его не взяли, так как всеильный полковник пробил ему бронь до окончания учебы. В настоящее время Василий Сталин командовал авиационной дивизией. Гаранин-старший был аттестован вместе со своими джазистами и находился на фронте рядом с сановным сыном.

Игорь Гаранин проживал в доме номер 3 по Малому Николопесковскому переулку. Там же в гараже держал машину.

Никитин, выяснив все это, пошел к Данилову и застал у него Муравьева, заканчивающего доклад.

– Молодец, Игорь, – сказал Данилов, – начинай отрабатывать версию Ленки Грека. И докладывай. А ты, Никитин, все в машине расскажешь.

Данилов и Никитин

– Куда едем, товарищ начальник? – спросил Никитин.

– В Суково, Коля.

– Ясно.

– Докладывай.

Рассказ Никитина особой радости у Данилова не вызвал. Перспектива вязаться с полковником, а может, уже генералом Сталиным-младшим особой радости не вызывала. Данилов кое-что знал об истории с джазом и гулянками лихого летчика.

* * *

Серебровский поведал ему, что Василий Сталин, окончив летную школу, сразу получил капитана и был направлен в штаб ВВС. Началась война, он привинтил к петлицам вторую шпалу и занял генеральскую должность инспектора авиации. Проживал он в Доме Правительства на Серафимовича, два. В одной из комнат, а было их четыре, постоянно находился джаз Гаранина. О кутежах и пьянствах в его квартире на пятом этаже ходили по Москве легенды.

Известные писатели, журналисты, актеры, спортсмены, военные считали для себя за честь быть приглашенными к нему.

Надо сказать, что Дом Правительства строили странно. Не учитывая акустического эффекта.

За стеной, в соседнем подъезде, проживал старый большевик, политкаторжанин и академик. Устав от бесконечного грохота джаза, он написал письмо Сталину. Но Поскребышев не стал обременять вождя такими мелочами и передал письмо генералу Власику, начальнику

личной охраны вождя. На следующее утро ребята Власика перевозили большевика-академика в соседний подъезд.

В сорок втором Василий Сталин прицепил третью шпалу, а погоны получал уже полковником. Наверняка на фронте он стал генералом, и связываться с его любимцем, руководителем джаза, было делом крайне опасным.

* * *

– Что будем делать, Иван Александрович? – прервал размышления Данилова Никитин.

– Брать этого Игоря будем.

– Не боитесь?

– Да как сказать.

– Все равно дальше фронта не пошлют, – засмеялся Никитин.

– Да нет, Коля. За такое дело нас с тобой вполне могут отправить в другую сторону.

– Вполне, – мрачно вмешался шофер Быков, – помните, товарищ начальник, как Коля Рязанов в сорок первом сына наркома за убийство арестовал?

– Ну, – Данилов достал папиросу, – так Колю на пересылке блатари зарезали, а наркомовского сына я в горкомендатуре видел. Капитан.

Быков в сердцах плюнул.

– Так что, Иван Александрович, будем брать? – насмешливо спросил Никитин.

– Будем.

До самой деревни они молчали.

У первого дома на лавочке сидела старушка, в сумерках трудно было определить ее возраст.

– Добрый вечер, мамаша, – как можно любезнее спросил Никитин, – где здесь Андреевы живут?

– А вот, сынок, по этой улице четвертый дом.

* * *

Небогато жил убитый разгонщик. Совсем небогато. И мамаша была у него добрая и простая, с тяжелыми узловатыми руками, приученными к крестьянскому труду.

– Вы, товарищи милицейские начальники, – сказала она, – о Славочке ничего плохого не думайте. Он на войну добровольцем пошел. Только на фронт-то попасть ему не довелось, их эшелон под Смоленском разбомбили. Год он по госпиталям провалялся. У него отсрочка до сентября.

– А сколько он уже дома не живет? – поинтересовался Данилов.

– Да почитай, с октября сорок второго.

– А что делает?

– Работает, товарищ начальник. Вот.

Женщина открыла жестяную коробку от монпансье и достала коричневую рабочую карточку.

– Вот, – вздохнула она, – так и живем. Славочкина рабочая да моя иждивенческая.

– А вы разве не работаете, мамаша? – спросил Никитин.

– Работаю, сынок, как же, работаю в совхозе, только вот карточку рабочую получить не могу.

– Скажите, – Данилову было искренне жаль эту простую трудовую женщину, которая своими руками зарабатывала на жизнь до старости, – где сейчас ваш сын?

– А в городе он, милый, живет у невесты. Он же техникум перед войной закончил.

– Какой?

– Да малограмотная я. Сейчас бумажку принесу.

Она вышла в другую комнату и, вернувшись, положила на стол свидетельство об окончании Тайнинского техникума бытового обслуживания.

Был Слава Андреев, оказывается, техником-фотографом. Данилов взял рабочую карточку, посмотрел на штамп. «Московский трест бытового обслуживания».

– Скажите, мамаша, – вкрадчиво, как бы между делом, поинтересовался Никитин, – а он вещей никаких не приносил?

– Да что ты, милоч, – женщина замахала руками, – помилуй бог! Мы люди трудовые, честные, не какие-нибудь спекулянты.

– Ну а друзья его у вас бывали?

– Бывали, дружок его Игорь, значит, студент, и сослуживец его, Нефедыч.

– А вы не знаете, где этот Нефедыч живет или адрес его работы?

– Нет, милоч, не знаю. Ты скажи, не томи меня, со Славой что случилось?

– Вам все расскажет ваш участковый.

В машине Данилов молчал, только на въезде в Москву сказал Никитину:

– Сейчас возьми людей и к Гаранину.

Белов

Данилова не было, он куда-то укатил, поэтому Сергей пошел к Серебровскому. Замначальника критически оглядел его и сказал:

– Костюмчик ничего, только вот галстук... – Серебровский открыл шкаф, достал красивый полосатый галстук. – Надевай. Натуральный шелк. Я его в сороковом из Риги привез. Вот теперь ты настоящий московский пижон. Да, вот еще проблема. С пустыми руками тебе идти неудобно. А на жалованье и на оперативные пять червонцев ничего ты, Белов, не купишь. Ладно. Главное – дело.

Серебровский открыл сейф, достал плитку шоколада «Золотой ярлык» и бутылку крымского портвейна.

– Вот теперь ты, Сережа, истинный кавалер. Оружие взял?

– Да, товарищ полковник, вальтер.

– Правильно, он небольшой и удобный.

В кабинете Белов нашел кусок белой бумаги, завернул шоколад и портвейн, нашел кусочек шпагата и завязал сверток. Конечно, здесь нужна ленточка, но ничего, по военному времени и так сойдет. На сейфе внезапно ожила черная тарелка репродуктора, и зажигательный женский голос поведал, что на полянке возле школы стали танки на привал. Белов так и вышел из здания МУРа, напевая привязчивую мелодию.

* * *

Он шел по Петровке медленно, не торопясь, чтобы не доставлять внешнего беспокойства ребятам из наружки, которые топали за ним.

Его задача заключалась в том, чтобы, когда он с объектом выйдет из дома, хлопнуть того по плечу, ну а дальше дело техники.

Весенний вечер медленно надвигался на город. И хотя было еще совсем светло, Сергей чувствовал его приближение. Потускнели блики в окнах домов, и все вокруг изменило свой цвет. Он стал более густым, синеватым.

На старой церквушке померкла облезлая маковка, гуще стали тени в проходных дворах. На смену девушкам, постовым милиционерам, вышли крепкие мужики с карабинами СВТ.

На углу Столешникова остановилась военная машина, из нее выпрыгивали офицеры с пистолетами и сержанты с карабинами. На рукавах гимнастеров повязки с надписью «Комендантский патруль». По трое они расходились по центральным улицам. Начиналась тяжелая ночная работа.

Но пока город, словно огромный корабль, плыл навстречу ночи. Напротив дома номер 8 стоял старенький «Опель-Р-4», которому давно уже приготовили место в Политехническом музее, но стараниями управленческого механика Володи Царькова он ходил лучше, чем любой ЗИС-101. Машина эта была закреплена за наружкой.

Ну вот и нужный дом. Белов еще раз оглядел переулок. Хорошее место. Подлинно московское. С каким удовольствием постоял бы Сергей рядом с комиссионкой, покурил бы, на народ посмотрел. Но надо было идти.

Дверь ему открыла хозяйка:

– Здравствуйте, Сережа.

– Здравствуйте. – Белов протянул сверток.

– А это что?

– Это вместо цветов.

– Пойдемте. – Головня, на ходу разворачивая сверток, повела Сергея в комнату.

За столом сидели красивый парень в военной форме с капитанскими погонами и яркая, хорошо одетая брюнетка.

– Знакомьтесь, – сказала хозяйка, – это мой друг Сергей. А это мои самые близкие люди: Глеб Катышев, он фронтовой кинооператор, и Нина, редактор со студии документальных фильмов.

Глеб пожал Сергею руку.

Наконец Головня развернула бумагу:

– Какая прелесть. Где вы это взяли, Сережа?

– Выпросил, Наташа, вымолил буквально в буфете нашего наркомата.

– А где вы работаете? – спросил Глеб.

– В наркомате госконтроля, я юрист.

Глеб посмотрел на две колодки на пиджаке Белова:

– Пришлось повоевать?

– Немного. В сорок первом.

– Но, видимо, неплохо, если «За отвагу» и «За боевые заслуги» получили, – усмехнулся Глеб.

«За боевые заслуги» Сергей получил в прошлом году после ликвидации банды «докторов». Но веселому капитану об этом знать было не обязательно.

– Меня контузило, а потом крупозное воспаление легких, вот и списали в тыл, – смущенно пояснил Белов.

По сей день, несмотря на то что служба его была не самой безопасной, Сергей мучительно переживал, что он не на фронте.

– Прошу к столу, прошу, – засмеялась хозяйка.

Они прошли в соседнюю комнату к накрытому столу. На нем ничего особенного не было. Обычный набор для военного времени. Но даже и пайковые консервы, и обязательный винегрет, и картошка вареная, и селедка были приготовлены и сервированы так, что вызвали воспоминания о довоенном благополучии. Украшением стола была большая кулебяка.

– Это фирменное блюдо Наташи, – сказал Сергею Глеб. – Вы должны, как новичок, съесть первый кусок.

Разлили водку, чокнулись. Сергей выпил и закусил кулебякой. Она действительно была вкусна необыкновенно.

– Как здорово вы готовите, Наташа, – Сергей говорил вполне искренне, – тесто прелесть, мясо такое нежное.

– За тесто спасибо. Это мое, а вот мясо извлечено из «второго фронта».

– Неужели американские консервы?

– Вы угадали, тушенка прислана союзниками.

– Друзья, а что мы так сидим, – вскочил Глеб, – где музыка? Я привез из Румынии новые пластинки Петра Лещенко.

Он подошел к радиоле из красного дерева, стоявшей в углу.

– Вот это да! – искренне удивился Сергей. – Как же вам удалось ее сохранить?

– Это великая тайна и находчивость Глеба, – засмеялась Головня. – Когда вышло постановление о сдаче радиоприемников, Глеб привел звукооператора с их студии, а тот вынул приемник, поставил какие-то новые лампы, и радиола стала жить самостоятельно. А приемник мы конечно же сдали.

Комнату наполнил ласковый тенор Лещенко.

Скажите почему? —

спросил певец.

Чудное щемящее танго как-то странно подействовало на Сергея. На душе у него стало светло и печально. Ему было очень хорошо в этой квартире, обставленной красивой старой мебелью, среди этих приятных и милых людей. Они слушали пластинки, танцевали, выпивали в меру. В общем, вечеринка шла как положено, как в далекие времена.

Четверо сидящих за столом преисполнились взаимной симпатией. Так всегда бывает, когда собираются вместе хорошие люди, особенно в годы лихолетья.

Уже был съеден пирог. Уже начали иссякать веселые истории Глеба, уже водка и вино кончались, а Сергея Семеновича не было.

– А если он не придет сегодня? – спросила Наташа Нелова.

Они танцевали. Сергей чувствовал ее горячее, упругое тело, и кровь прилиwała к голове, хотелось сжать эту женщину, целовать ее сочные губы.

– Тогда я останусь у вас, пока он не придет. – Голос Сергея предательски сел.

– Я согласна. – Наташа еще сильнее прижалась к нему, и в ритме танца они ушли в другую комнату.

И здесь Сергей дал свободу рукам, и она не возражала, только молча подбадривала его.

И тут в дверь позвонили.

– Дождались, – зло сказала хозяйка, поправляя платье.

Белов замер на секунду, словно стирая в памяти воспоминания о ее теле, губах, запахе, и шагнул в столовую. Глеб весело подмигнул ему, налил рюмку водки.

– Так держать, Сережа, – засмеялся он. – Наташа любит мужчин смелых...

Он не успел досказать, что, собственно, любит хозяйка дома, как в дверях возник невысокий человек в светлом габардиновом костюме. Он был лыс, круглолиц, в меру полноват. Лицо его лучилось добротой и радостью.

– Здравствуйте, Ниночка и Глебушка. Рад, рад очень видеть вас. А с вами, молодой человек, думаю, познакомимся ближе. Как звать-то вас величать?

– Знакомьтесь, – Головня царственно повела рукой, – это Сережа, наш друг, он юрист, работает в госконтроле.

– Рад познакомиться, Сергей. Как по батюшке?

– Просто Сергей, – улыбнулся Белов.

– Значит, так и запишем, а я Сергей Семенович, так что мы с вами тезки. Я смотрю, вы порошу понюхали, награды боевые имеете, а меня по здоровью даже в ополчение не взяли,

а сейчас фабрикой командую, фронтовой заказ выполняю. А вы, Сергей, в ведомстве вашем суровом что контролируете?

– Московский железнодорожный узел.

Сергей Семенович с интересом посмотрел на Белова:

– Тяжелое дело, ответственное. Ох, простите меня, совсем забыл. Наташенька, там в прихожей сверточек. Несите его сюда, это мой вклад в веселье общее.

Хозяином чувствовал себя гражданин Стукалин в этой квартире. Впрочем, такие, как он, прижившиеся в тылу, присосавшиеся к хлебным местам, везде вели себя как короли.

Сергей Семенович сидел за столом вальяжно. Роскошный песочный костюм, рубашка крученого шелка, галстук полосатый в тон, на правой руке перстень массивный с синим камнем, из-под рукава большие золотые часы выглядывают. Наташа принесла и начала расставлять на столе дорогие ресторанные закуски, бутылки ликера, шампанского, коньяка.

– Заехал в «Асторию», прикупил кое-что. – Сергей Семенович достал пачку «Северной Пальмиры», положил на стол.

Но веселье не разгорелось с новой силой. Чужой человек пришел к этим успевшим понравиться друг другу людям. Помешал он их скромному застолью, беседе доброй, танцам. Но Стукалин не чувствовал этого, он аппетитно ел ветчину, пил коньяк, шутил, правда по делу.

Постепенно обстановка за столом начала выравниваться. Глеб произнес веселый тост, Нина поделилась историей, как в Алма-Ате снимали фильм «Жди меня», Сергей под общий хохот поведал одну из историй, услышанную от Никитина. А время шло, и часы в гостиной пробили полночь.

– Пора, – Сергей Семенович встал, – мне из вашего дома приятного, Наталья Николаевна, просто уходить не хочется.

– А вы чаще приходите, – засмеялась Головня.

– Не премину приглашением воспользоваться. Не премину. Вы идете, Глеб?

– Нет, мы с Ниной остаемся.

– Ну что же, а вы, Сергей?

– Иду, Сергей Семенович, пора и на покой.

– У вас, конечно, ночной пропуск имеется?

– А как же.

– Впрочем, чего я спрашиваю.

В прихожей Головня спросила Сергея:

– Когда придешь?

– Как позовешь.

– Считаю, что позвала.

– Значит, завтра.

– Вы о чем это шепчетесь? – ревниво спросил Стукалин.

– Да вот в кино собираемся сходить, – ответил Сергей.

– Лучше в театр, – солидно сказал Стукалин, – давайте во МХАТ. Там пьеса «Фронт» идет. Говорят, интересная.

– С удовольствием.

Сергей со Стукалиным вышли на улицу.

У подъезда стоял грузовой ГАЗ-АА, переделанный под автобус.

– Ну вот и моя карета, – усмехнулся Стукалин, – вам куда?

– Мне к Никитским.

– Давайте подвезу.

– Спасибо, – Сергей хлопнул удивленного Стукалина по плечу, – я пешочком. Вечер уж больно хорош.

- Не боитесь? В городе шалят.
- Да здесь переулком пять минут ходу.
- Они пожали руки, и Стукалин взгромоздился в кабину рядом с шофером.

Данилов и Никитин

Они вышли из машины в Малом Николопесковском у дома номер 3. Вошли под арку.

Двор был небольшой, но весь в ранней зелени. Хороший был двор, московский. У подъезда сидели старушки, судачили о чем-то своем. Пацаны мчались на деревянных с подшипниками вместо колес самокатах.

Хорошо в такой двор с работы вернуться. Посидеть на скамеечке, обсудить с соседями последнюю сводку Совинформбюро, на салют полюбоваться.

– Слушай, Николай, – сказал Данилов, – я хотел завтра на оперативном тебе объявить, но решил нынче тебя обрадовать.

- Что, меня начальником МУРа сделали? – заржал Никитин.
- Лучше. При тебе мне звонили из ХОЗу. Тебе комнату дали.
- Не верю.
- И знаешь где?
- Где?
- В Столешниковом.
- Вот и дом у меня будет наконец свой, а то я от общежития озверел уже.
- Новоселье устроишь?
- А то!

* * *

Они поднялись на третий этаж. Позвонили в квартиру Гаранина. Никто не отвечал.

Тогда Никитин с силой саданул по дверям ногой. Удар гулко отозвался в подъезде. Соседняя дверь открылась, и на пороге появился человек в майке, синих командирских галифе с красным кантом и в тапочках. В руке он держал пистолет ТТ.

– А ну, – грозно начал он.

Данилов достал удостоверение.

– Уголовный розыск. Где Игорь Гаранин?

– Он в гараж пошел с двумя приятелями.

– Давно?

– С полчаса.

– Где гараж?

– Во двор выйдете, увидите проход между двумя домами, попадете на задний двор, там и гараж.

– Значит, въезжать туда можно с Крюкова переулка?

– Только оттуда и можно. А что он натворил? – Сосед спрятал пистолет в карман.

– На машине нашалил, – усмехнулся Никитин.

– Говорил я ему. – Сосед захлопнул дверь.

Они опять прошли двором, свернули в узкий проход между домами. Навстречу им попался серый пушистый кот. Он не убежал, а сел на дороге, внимательно разглядывая людей. Данилов и Никитин обошли его. Кот даже голову в их сторону не повернул.

– Боевой, видать, он здесь в законе, – сказал Никитин. – Как в квартиру въеду, сразу кота заведу.

Задний двор был глухой, заасфальтированный. На лавочках здесь не посидишь. Со всех сторон зажатый безглазыми стенами домов, он вызывал ассоциации с тюрьмой. У каменной стены рядом с выездом стояло два кирпичных строения. В одном была полуоткрыта створка двойной двери. Никитин распахнул ее. В лицо ударил запах бензина, масла машинного, кожи. В глубине стояла белая «эмка», рядом лежал человек в кожаной куртке и песочных брюках.

Он был мертв. Данилов сразу понял это по неестественно подвернутой руке, по темному пятну на полу.

Он подошел, наклонился. Гаранин был убит точно так же, как и Андреев, как вохровцы.

– Вызывай опергруппу. – Данилов наклонился и начал проверять карманы. В боковых карманах брюк были ключи от квартиры и машины, в заднем маленький браунинг «лилипут» калибра 4,25.

Данилов достал его. На перламутровой рукоятке была прикреплена серебряная табличка с надписью: «Б. Гаранину в день рождения. В. Сталин». Ну вот, приехали. Только этого не хватало. Сейчас сюда понаедут ребята с Лубянки. Как же, убили сына любимого музыканта принца.

В карманах куртки лежали студенческий билет, ключи, бумажник с продовольственными карточками и деньгами.

Группа приехала сравнительно быстро. Данилов оставил следователя Чернышова разбираться на месте, а сам с Никитиным поднялся к квартире Гаранина.

– Ну что, Коля, зови понятых.

– Неужели обыск делать будете?

– Буду. Ты найдешь понятых и уходи. Здесь дело такое, что вполне можно самим на этап загреметь.

– Нет, Иван Александрович, – Никитин зло тряхнул головой, – вместе пойдем, если надо.

– Ну что ж, Коля, тебе виднее.

И Данилов подумал о том, какой же все-таки хороший парень Колька Никитин, а главное, не трус. Нет, он не имел в виду храбрость при задержании, перестрелке, погоне. В их службе нужна была еще одна храбрость, которая защитит тебя или погубит, когда потянут на беседу в инстанцию.

В присутствии понятых, под протокол, Данилов открыл дверь квартиры. Хорошо жил музыкант Гаранин. Небогато, но весело. На стенах фотографии джазистов, дующих в трубы и саксофоны, мебель легкая, желтая, веселая. Таковую в сороковых привозили из Риги. В одной из комнат рояль. Видимо, убитый был человеком аккуратным. В квартире царил чистота.

Комната Игоря Гаранина была небольшой, но очень уютной. Письменный стол, тахта, кресло, патефон и множество книг. Муровское удостоверение лежало в среднем ящике стола. Все точно. Фамилия Евдокимова и фото Гаранина. Изъятие было строго запротоколировано. Выполняя все эти формальности, Данилов знал одно: если покаты бочку, ничто не поможет. Конечно, надо было искать дальше, перерыть, к черту, всю эту квартиру, но взгляд останавливал его. Да, именно взгляд. Смотрел с фотографии на стене молодой надменный полковник авиации.

А на портрете надпись: «Боре на дружбу. В. Сталин».

Правда, Данилов сделал то, чего раньше никогда себе не позволил бы. Он, не занося в протокол, незаметно положил к себе в карман записную книжку и дневник убитого.

Муравьев

В отделе никого не было. Данилов и Никитин уехали в деревню Суково. Белов отправился к какой-то даме. А ему предстояло искать Грека. Муравьев добросовестно изучил оперативно-разыскные материалы на Леонида Викторовича Грекова, 1910 года рождения, кличка Грек, судимого в 1928 году за квартирный грабеж, в 1939-м – за разбойное нападение. Побег. В 1940-м осужден за бандитизм. В 1943-м направлен в штрафбат, из-под стражи бежал.

Читая оперативные документы и агентурные донесения, Игорь постепенно нарисовал себе портрет будущего клиента. Грек был человеком отважным, жестоким, физически крепким, виртуозно владеющим ножом. В уголовном мире Москвы пользовался непререкаемым авторитетом и имел разветвленные связи.

А о них в деле практически ничего не было. Две воровские малины в Зоологическом переулке и в Сокольниках МУР прикрыл еще в сорок первом, а о других в деле ничего не говорилось. Необходимо было выяснить, с кем на связи были агенты, разрабатывающие Грека, и заставить их побегать по Москве. Для собственного спокойствия без надежды на успех Игорь отправил Самохина к матери Грека, проживающей в Армянском переулке. Нужно было сориентировать участкового и оперов из местного отделения, пусть прикроют квартиру.

Игорь делал все это чисто автоматически, по привычке и, работая над материалами банды, поймал себя на мысли, что нет у него прежнего азарта. Желания во что бы то ни стало взять бандита. Работа, даже старшего опера, приелась ему, надоело бегать и ловить урок.

Правда, за четыре года в розыске он заработал два ордена и две медали, стал капитаном и старшим опером. Его кандидатуру серьезно рассматривали на должность замначальника отдела. И все это без поддержки могущественного тестя. Игорь сам добился многого. Правда, если бы не генерал Фролов, он бы получил медаль вместо ордена и никогда бы не имел партизанской награды. Ну а что делать? Чем он хуже веселых молодых лейтенантов, живущих на соседних дачах?

Он хоть рисковал жизнью во вражеском тылу, не прятался за чужими спинами от бандитских пуль, а они? Утром сытный завтрак, обмундирование из генеральского габардина, и папина машина везет в военный институт. А вечером на даче под радиолу быстротечные романы, легкая выпивка.

Правда, были и такие, как Женька Федотов, сын наркома, ровесник Игоря, он носил подполковничьи погоны, на груди густо висели медали и ордена. Где он служил, никто не знал. Он ездил в Иран, где стояли наши войска, и приволок оттуда несметное количество добра.

Сейчас улетел в Румынию, значит, жди, что к даче Федотова опять подтянутся грузовики с трофеями.

Игорь внутренне понимал, что живут эти люди, если по-настоящему разобраться, плохо. Нечестно и грязно. Но вместе с тем он отчетливо видел свою перспективу. Перед глазами всегда была служебная карьера Данилова. В восемнадцатом году тот пришел в уголовный розыск МЧК и чего добился за двадцать шесть лет? Начальник ОББ, подполковник, два ордена и две медали всего. А слава хорошего сыщика весьма эфемерна. Завалишь очередное дело, и перечеркнуты все прежние заслуги.

Игорь уважал Данилова и преклонялся перед ним. У него были те свойства характера, которых так не хватало Муравьеву. Игорь даже не знал сам, что нравственный перелом произошел в нем, когда муж сестры, вечный неудачник Карпунин, чудом получил дачу в поселке Новь в Раздорах.

Поселок этот был пожалован Сталиным ученым и старым большевикам. Последние в тогдашней иерархии тоже делились на несколько категорий.

В их поселке жили «средние» и «младшие» старые большевики. А рядом в роскошных дачах обитали наркомы и заводы ЦК, генералы и маршалы.

Игорь дружил с их детьми, он тянулся к веселой, беспечной жизни. И постепенно, вместе с комплексом некой неполноценности, в нем просыпалось желание прорваться в этот мир, где все желания исполняются, словно в сказке.

Нет, он не искал себе невесту специально. Не женился по расчету. Он любил Инну, и она любила его. После свадьбы была эвакуация и его одиночество, потом, когда в начале года жизнь стабилизировалась, он снова попал в дачную компанию, на многое он теперь глядел иначе, чем два года назад. Неужели он хуже этих папенькиных сынков, получающих все, не прикладывая к этому никаких усилий? Нет, он лучше. Он сам добился многого, так что небольшая поддержка – просто торжество некой справедливости.

Муравьев оглядел пустую комнату, которую делил вместе с Беловым и Никитиным. Когда-то он не замечал ни обшарпанных столов, ни скрипучих стульев, ни треснувшего графина с водой, ни черной треснутой тарелки репродуктора. А шкафы с покосившимися дверцами, а три уродливых поцарапанных сейфа.

Как же раньше он не замечал этого убожества? Неужели вся его жизнь должна пройти в этом здании? Ну, пересядет он в маленькую комнату замначальника отдела. Крохотную, в которую даже диван поставить нельзя. Потом, если все хорошо сложится...

Зазвенел телефон.

– Муравьев.

– Ну что, Шерлок Холмс, всех поймал? – раздался в трубке веселый баритон тестя.

– Ловлю.

– Что невеселый?

– Да нет, я...

– Кончай дела, – тесть не дослушал, – наши жены мировой ужин приготовили, сосед зайдет. Так что спускайся, я сейчас заеду.

– Есть, – весело ответил Игорь.

Через двадцать минут к МУРу подкатил ЗИС-101. Шофер услужливо распахнул дверцу. Игорь залез в пахнувший плюшем, табаком и одеколоном салон, расцеловался с тестем и ослабил узел галстука, расстегнул воротник и откинулся на мягких плюшевых подушках.

Данилов

Первым на Петровке он встретил Самохина.

– Товарищ подполковник, капитана Муравьева нет, разрешите доложить вам?

– Пошли в кабинет.

Данилов слушал Самохина и никак не мог понять, почему Игорь не доложил ему о Греке.

Самохин рассказывал все обстоятельно, начиная с найденной зажигалки и кончая беседой с соседями, матерью и сестрой Грека.

– Значит, ты местных ребят сориентировал.

– Они квартиру перекрыли.

– Сейчас я пойду к начальнику, попрошу, чтобы за матерью и сестрой наружка потопала. А где Муравьев?

Самохин пожал плечами.

Данилов поднял трубку.

– Слушаю, товарищ подполковник, – откликнулся дежурный.

– Где Муравьев?

– Сказал, что уехал на территорию.

– Понятно.

Данилов повесил трубку. Значит, Игорь накопал что-то, раз уехал куда-то на ночь глядя.

Данилов отпустил Самохина, тут дверь без стука отворилась и появился Свиридов.

– Ну что, Ваня?

– Нашли второе удостоверение.

– Повязали клиента?

– Нет, опять с трупа сняли.

– Кто?

– Игорь Гаранин.

– Гаранин... Гаранин... Он к джазисту Гаранину отношение имеет.

– Вот что значит память, Леша, в цвет вышел.

– Да, – Свиридов сел, снял фуражку, вытер платком след от тульи, – час от часу не легче. Отцу сообщили?

– Да.

– Значит, жди вызова к самому Власику. И не дай бог тебе там заикнуться, что Игорь этот разгонидами занимался.

– Почему?

– По кочану. Сам, что ли, не понимаешь? Там это могут расценить как интригу против молодого генерала.

– Так он полковник.

– Прошлым живешь, уже генерал-майор.

– Вот мне бы так.

– Ты думай, как эти звезды сохранить. – Свиридов постучал пальцами по погону. – Знаешь, что мне один умный человек сказал?

– Поведай.

– Давно это было, перед войной, я третью шпалу получил, радовался страшно. Ну конечно, обмыли мы ее с ребятами, и шеф мой, Королев, твой дружок, говорит: «Счастлив?» – «Очень». – «А знаешь, Леша, что такое настоящее счастье?» – «Нет». – «Ты родился, а у тебя папа Ворошилов».

Данилов смотрел на Свиридова и думал о том, что прав был Виктор Кузьмич, ох как прав.

– Леша, ты мне скажи, что ваши ребята нарыли в спортобществе?

– Пока ничего, Ваня. Глухарь.

– Не радуешь ты меня.

– Есть одна зацепочка, – хитро сощурился Свиридов. – Они стенды чемпионов своих делают, фотографии разные. Вот и приглашают фотографа со стороны.

– Кого? – У Данилова даже сердце заколотилось.

– Терехова Василия Нефедовича.

– Неужели и адрес его знаешь?

– Грохольский, дом три, квартира двенадцать.

Данилов вынул из ящика стола пистолет, сунул его в кобуру на ремне, поднял трубку телефона:

– Никитин, кто на месте?

– Самохин, Ковалев, Сергеев.

– Все в машину!

– Вышли, Ваня? – спросил Свиридов.

– В цвет, Леша, в цвет. Ты с нами?

– Конечно. Люди мои нужны?

– Да ты один целого взвода стоишь.

У входа стояли газик и «эмка». Оперативники теснились у машины.

– По коням, – скомандовал Данилов, – Грохольский, три.

Быков вел машину переулками и никому, кроме него, не ведомыми дворами. Данилов, хорошо знавший все городские закоулки, поражался тому, как Быков находит немислимо короткие маршруты. Вот и сейчас машина, петляя, подпрыгивая на ухабах, распугивая кошек, оставляла за собой дворы, арки, проезды.

Удивительный город Москва. Его невозможно познать. Сколько ни ходи по нему, всегда найдешь прелестное неизвестное тебе место. В нем перепутались времена и стили. В заросших тополями и лопухом проходняках можно найти античные колонны, генуэзские арки, испанские балконы, повисшие над зеленью двора. Именно в этом смешении времен и стилей и есть великая московская красота. Она теплее, добрее построенного по ранжиру Петербурга.

Наконец машину перестало трясти, и они выехали на Мещанскую, переехали ее и влетели в Грохольский. Дом номер 3, шестиэтажный, старой постройки, с эркерами, с окнами, плотно закрытыми светомаскировкой, казался нежилым.

– Кто-нибудь, найдите дворника, – приказал Данилов.

Через несколько минут Никитин привел заспанную бабку в надетой поверх белья черной железнодорожной шинели.

– Вы дворник?

– Я буду, товарищ начальник.

– В вашем доме черный ход есть?

– В каждой квартире, только было указание домоуправа двери забить.

– Покажите нам подъезд черного хода.

Светя карманными фонарями, они обошли дом. Подъезд действительно был заколочен крест-накрест досками. Данилов потянул одну из них, и она легко поддалась.

– Наверное, пацаны, – забеспокоилась дворничиха.

– Возможно. Двенадцатая квартира на каком этаже?

– На четвертом.

– Трое к квартире. А мы с парадного хода.

Они подошли к парадному, и Данилов сказал Свиридову:

– Ты, Леша, постой здесь, а то, не дай бог, схлопочешь пулю. Наши клиенты народ горячий.

– Наши не лучше.

Данилов посмотрел на него и усмехнулся. Он вспомнил, как утром, в сороковом, возвращался домой после захвата налетчика Крюка, который два часа отстреливался из нагана и охотничьего ружья, и увидел во дворе, как шкафообразные ребята затаскивают в машину тщедушного учителя Левина, живущего в его подъезде.

– Леша, ты уж извини, но здесь я команду.

– Добро, побуду во втором эшелоне.

– Никитин, Самохин, за мной.

Они вошли в подъезд, в котором отчаянно пахло рыбьим жиром. Видимо, кто-то из жильцов совсем недавно жарил картошку на этом отвратительном лечебном препарате.

Как ни странно, этот продукт, с детства вызывающий у многих устойчивую ненависть, свободно, несмотря на военное время, продавался в аптеках.

И многие использовали его для готовки.

Оперативники поднимались медленно и тихо.

Горели на этажах синие маскировочные лампочки. Их свет не разгонял темноты, и она клубилась около дверей и стен, наползала на ступеньки и перила.

На третьем этаже они слышали странное позвякивание, словно кто-то подбирает нужный ключ в связке.

Они тихо поднялись на площадку и различили в синеватом мраке человека, пытавшегося открыть дверь двенадцатой квартиры.

– Стоять! – крикнул Данилов и зажег карманный фонарь.

Со звоном упала на пол связка ключей, и человек прыгнул в темноту.

– Стой! – крикнул Самохин.

Он, оттолкнув Данилова, прыгнул на площадку.

Резко грянул выстрел, и Самохин начал опускаться по стене. Данилов трижды выстрелил в сторону вспышки и повел лучом фонарика.

Сначала он увидел лежащий на площадке наган, потом человека, скорчившегося у ступенек, ведущих на четвертый этаж.

Снизу бежали оперативники. Данилов подошел, поднял наган, осветил лучом стрелявшего. Все три пули Данилова попали в голову, превратив ее в кровавое месиво.

– Как Самохин?

– Его ребята унесли, – ответил Никитин.

– Плох?

– Трудно сказать.

– Вскрывайте дверь квартиры Терехова, зовите понятых.

Дверь поддавалась не сразу. Уж больно хитроумными замками обеспечил себя гражданин Терехов. Трем здоровым оперативникам с трудом удалось справиться с ней.

Данилов со Свиридовым вошли в квартиру. В коридоре валялись старая обувь, пальто, побитое молью, с вытертым каракулевым воротником.

Одну комнату освещал добрый семейный абажур с кистями и нарисованными по розовому шелку синими корабликами. Свет его, уютный и тихий, никак не вязался с обстановкой. Ящики стола были вывернуты, шкаф распахнут. На полу валялся чемодан с оторванной ручкой.

– Видимо, гражданин Терехов сильно торопился свалить с квартиры, – усмехнулся Свиридов.

Дверь во вторую комнату была заперта.

Никитин навалился плечом, и она распахнулась.

В этой комнате была лаборатория. Стояли фотоувеличители, камера, закрепленная на шарнирной подставке, ванночки для химикатов, резак для фотобумаги.

– Вот оно, – обрадовался Свиридов.

В углу комнаты стояли пресс, маленькая наборная касса. Тускло блестели в ней свинцовые литеры. На столе лежали вырезанные из резины печати и штампы.

– Молодец, Данилов, – хлопнул его по плечу Свиридов, – целую подпольную типографию накрыл.

Данилов подошел к экспертам:

– Есть что-нибудь?

– Такое впечатление, что он, уходя, все тщательно вытер.

– Значит, наш клиент боялся, что отпечатки останутся. Ищите.

– Ищем, товарищ подполковник.

На площадке толпились испуганные соседи.

– Он сегодня вечером с чемоданом из дома вышел. Я в распределитель пошла, смотрю – он поднимается. Быстро так, почти бегом. А человек-то немолодой. Распределитель закрылся раньше, не успела я, возвращаюсь, а он с чемоданом к трамваю идет.

– А сколько времени прошло, гражданочка? – вкрадчиво спросил говорливую женщину Никитин.

– Минут десять, не больше.

– Вы что, время засекли?

– Я уходила – по радио концерт артистов оперетты передавали. Я еще пожалела, что уйду, – больно я Савину люблю. А пришла, его еще минут пятнадцать передавали.

Женщина была в засаленном халате, на голове бумажные папильотки, на лице выражение сладкого любопытства.

– А Терехов жил тихо?

– Очень. На работу да с работы. Вежливый, тихий.

– А кто к нему приходил?

– Ходили к нему мало. Только раз я на лестнице встретила его с одним неприятным типом.

– Почему неприятным?

– Рот полон золотых зубов, шрам на щеке, нос кривой. И он почему-то Терехова Мишей называл. Он же Василий, а тот его Мишей.

«Молодец соседка, точно описала Сеню Разлуку. Молодец. Вот и есть кончик. Видимо, этот Миша-Вася очень боялся ребят Грека, поэтому и собрался, как боец по тревоге».

– Простите, граждане, – сказал Данилов, – у кого из вас в квартире телефон имеется?

– У меня, – солидно ответил человек в полосатой пижаме.

– Вы позволите позвонить?

– Прошу.

Данилов вошел в теплую от сна квартиру и подумал, что у ночи есть своя особая температура.

На тумбочке, рядом с телефоном, сидел маленький котенок и тарасил на Данилова круглые глазки.

– Хорош, – засмеялся Данилов.

– Вот подобрал вчера на лестнице котенка. – Голос человека в пижаме стал внезапно мягким и добрым.

– Детям?

– Мои дети вместе с женой погибли в сорок первом. Поезд разбомбили.

– Простите.

– Ничего. Я за них посчитался.

И Данилов увидел висевший на стуле полковничий китель с орденами.

– После ранения я в тылу оказался. А три года я их... – Полковник замолчал, погладил котенка. – Теперь с ним жить будем. Дочка все просила котика.

Данилов поднял трубку, набрал номер:

– Это я. Как Самохин?

– Врач сказал, что все будет хорошо, – ответил дежурный.

Данилов поблагодарил полковника и вышел.

В квартире Терехова продолжался обыск.

В стенах нашли два пустых тайника, под половицами на кухне обнаружили завернутые в пергаментную бумагу паспорта на разные имена, бланки старых ночных пропусков, даже школьные аттестаты.

– Солидно устроился гражданин Терехов, – сказал Свиридов. – Иван, давай выйдем поговорим.

Они вышли на лестничную площадку, закурили.

– Иван, хорошее дело ты поднял. У меня к тебе просьба.

– Какая, Леша?

– Отдай ее мне.
– Что?
– Реализацию по делу.
– А как мы документы переделаем?
– А зачем? Напишем в справке, что, реализуя совместные оперативные сведения, провели операцию.
– Леша, ты помнишь, что у тебя бумага лежит на Лялина и Евдокимова?
– Как же забыть такое.
– Что делать будем?
– Другой бы сказал: приеду – порву. Но я тебе врать, Ваня, не буду, я ее поутру спишу в архив.
– Вот это по-мужски. А совместную справку о ликвидации подпольного печатного цеха давай напишем. Только Терехова Васю-Мишу заловить надо.
– Зацепки есть?
– А то. Ты, Леша, здесь покомандуй, а я в контору, пора бабки подбивать.
Данилов ехал на Петровку и думал о том, что Муравьев, видно, не зря всю ночь носится по Москве: бог даст, выйдет он на эту сволочь Грека.

Муравьев

А он и не бегал по Москве. Он сидел в хорошей компании и играл в преферанс. Игорю сегодня везло, и он был необыкновенно доволен. Закончил пульку на рассвете.

Муравьев вышел на террасу дачи, вдохнул пахнувший хвоей воздух, потянулся. Спать не хотелось. А еще больше не хотелось ехать утром на работу.

Данилов

Он успел вздремнуть пару часов на заслуженном кожаном диване. Ровно столько, сколько отмерил ему один из четырех телефонов, стоявших в его кабинете. Разбудил его «черный ворон», телефон прямой связи с начальником.

Звук у него был пронзительный, как зубная боль.

Данилов, натываясь на углы стола, пролез к аппарату.

– Данилов.

– Спишь, Иван? – Голос начальника был лучезарно бодр.

– С тобой поспишь.

– Давай ко мне, поведает о стрельбе в Грохольском.

– Сейчас, только побреюсь.

– Жду.

Данилов достал из шкафа бритву, мисочку, помазок. Потом достал из сейфа электроплитку и поставил на нее чайник.

Нарезал в мисочку мыло, плеснул кипятку.

Данилов брился, когда в дверь постучали.

– Да.

– Можно, Иван Александрович? – Вошел Сергей Белов.

– Ну, как банкет, Сережа?

– Наружка довела объект до дома. Он живет в Мареновском переулке, дом семь, квартира двенадцать. Квартира отдельная. Машина, госномер МА 22–43, принадлежит артели «Швейник». Стукалин работает там начальником цеха пошива.

– Что делают?

– В основном заказы для фронта. Комбинезоны, гимнастерки, ватники. Но есть и небольшая часть продукции гражданской. Пальто, костюмы, рубашки из использованного парашютного шелка. Допрошенный мною дворник подтвердил, что два месяца назад к Стукалину приходили сотрудники органов, в качестве понятых приглашали его и жену. С его слов, дворник Морозов...

– Почему не допросил жену?

– Она умерла в прошлом месяце.

– Так что же с ее слов?

– Работники органов забрали ценности, деньги, составили акт, в котором она расписалась.

– Молодец, Сережа, это уже кое-что. Муравьева не видел?

– Нет. Иван Александрович, что с Самохиным?

– Поправится, рана не опасная.

– Иван Александрович, – без стука вошел Никитин, – наган, изъятый в Грохольском, принадлежал убитому вчера вохровцу. Убитого пока прокололи. Пальцы ушли в картотеку нашу и наркомата.

– Ну вот, ребята, и замкнулся круг. Вы покурите, а я пока пойду умоюсь.

Данилов умывался в пустом туалете и думал о том, как странно замкнулся круг. Убитый в Леонтьевском разгонщик-любитель вывел их на Грека. Данилову не приходилось раньше иметь дело с этим человеком. Грек исходил из принципа: не воруй, где живешь. Поэтому грабил на территории Московской области.

Судя по сводкам, налетчик он был жестокий, удачливый и авторитетный.

Данилов снял майку, растерся по пояс холодной водой и почувствовал себя значительно бодрее.

* * *

Начальник ждал его. На столе два стакана крепкого чая, от них шел аппетитный парок. На блюде лежали бутерброды с американским шпиком.

– Ты сначала поешь, Ваня, – начальник подвинул к себе стакан, – потом нарисуешь мне страшную тайну Грохольского переулка.

Данилов с наслаждением отхлебнул сладкий, ароматный чай, съел два бутерброда, закурил.

– В Леонтьевском убили некоего Андреева, у него найдена муровская книжка, к нам обратился некто Любимов, сотрудник Главсевморпути, у которого Андреев с подельником учинили самочинку. Никитин нашел, где преступники прятали награбленное, и арестовал их подельницу Зацепину. Она показала, что в деле было трое: Андреев, Гаранин и некто Терехов. Андреев и Гаранин – исполнители, Терехов изготавливал фальшивые документы и наводил. Андреев и Гаранин убиты точно так же, как и шофер полуторки, инспектор собеса и два вохровца. Убийца нами установлен – Ленька Грек. У квартиры Терехова в перестрелке я завалил неизвестного, у него наган убитого вохровца.

– Которого Грек заделал? – поинтересовался начальник.

– Точно. Этот Миша-Вася Терехов покинул квартиру весьма поспешно. По этому поводу есть показания соседки и, конечно, состояние квартиры. Он даже свою печатню не успел вывезти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.